

ЗОНА

СЕРГЕЙ ЖАРКОВСКИЙ

В АДУ НАМ НЕ РАДЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Жарковский

В аду нам не рады

«Автор»

2026

Жарковский С.

В аду нам не рады / С. Жарковский — «Автор», 2026

Во второй (на самом деле первой книге) литературного сериала «Зона» описываются события прямо предшествующие возникновению в Астраханской области СССР т.н. «Капустинской Зоны Аномальных Интенсивностей» и само возникновение. Оказывается, у советских высших чиновников имелись некие обоснованные предположения, что на территории ракетного полигона «Капустин» в ближайшее время могут произойти масштабные события, которые воспринять иначе как волшебные или «инопланетные» нормальный человек не может. Создаётся целая межведомственная служба «Паслён», курируемая лично генсеком Горбачёвым и куда в качестве консультанта приглашаются Аркадий и Борис Стругацкие. За базовую модель предстоящих событий решено взять Зону из их книги «Пикник на обочине».

© Жарковский С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

43

Сергей Жарковский

В аду нам не рады

Сергей ЖАРКОВСКИЙ

ZONA

научно-фантастический сериал

— I have had the honour of dining with him twice. He spoke to me on both occasions.

«Master and Commander»

— Я клянусь, что все убытки, которые принесло вам мое пребывание здесь, будут возмещены. Частично я возмещаю их немедленно — я готов вручить вам ассигнации государственного банка общей суммой на миллион крон. Остальное ваше государство получит золотом, чистым золотом. Что вам ещё нужно?

«Дело об убийстве»

Гай раскрыл учебник наугад, нашёл в конце главы контрольные вопросы и спросил: «В чём заключается нравственное благородство экспансии нашего государства на север?» Мак ответил своими словами, но очень близко к тексту, и добавил, что, на его взгляд, нравственное благородство здесь ни при чём, всё дело, как он понимает, в агрессивности режимов Хонти и Пандеи, и вообще это место учебника находится в противоречии с основным тезисом первой главы о суверенности каждого народа, достигшего представлений о государственности. Гай почесал обеими руками затылок, лизнув палец, перекинул несколько страниц и спросил: «Каков средний урожай злаков в северо-западных районах?»

«Обитаемый остров»

— Madness? Have you looked at this scan carefully, Doctor? At his face? It's love, in point of fact. Something a good deal more dangerous.

«Serenity»

...но тут опомнился сработал датчик, и сквозь подволок, похоже как холодный обрат в перегретый отсек, засочился аварийный свет — и приговорил меня впервые увидеть его, обрамлённого люком; телом ещё по ту сторону переборки во тьме предшлюза, но босая белая ступня на комингсе, но костяной локоть на пластине наколенника, но живое блестящее лицо впереди остального — здесь, здесь уже, в последнем отсеке реакторной анфилады, в полосатом тенями аварийном сочении, этом сизом сочиве, лицо цедающееся, целящееся чёрными дырами под ослепительным лбом — в меня, морочающее, маракующее, маркирующее — меня; подчёркивающее меня и вычитающее. И я понял, что надежды нет, и я почувствовал, что всё ещё надеюсь, и я сказал ему:

— Здравствуй, машина. Тебя послал бог?

«Фактор человеческий»

В АДУ НАМ НЕ РАДЫ

фантастический роман

Любезный друг! Вы молоды и имеете пылкий характер. Послушайте человека, узнавшего на опыте, что значит пренебрегать вещами, коих мы не в состоянии понять и которые, слава

Богу, отделены от нас тёмной, непроницаемой завесой. Горе тому, кто покусится её поднять! Ужас, отчаянье, сумасшествие будут наградою его любопытства.

«Упырь»

— Seeking for carrion? No carrion here, you damn mugs! Go home for carrion. Plenty much there.

«Salto-mortale»

— Ну, ребята, — сказал Рэдрик восхищённым голосом, — теперь у нас пойдет гулянка на славу!

«Пикник на обочине»

ПРОЛОГ

Трость, взятая для солидности и в самый последний момент, пригодилась чрезвычайно. Как выразился бы племянник — «в полный рост». Капут совершенный был бы Стругацкому Аркадию Натановичу кабы не трость, и хлопотать было бы много нечего, "руки его костенеют, а сам еле держится". Капут, капут натуральный, не о чем и говорить.

С Олимпа спущенное повесткой-приглашением мероприятие, которому он был подвергнут, обещавшее тяготы лишь моральные, в крайнем случае этические, неожиданно было полностью затменено самым страшным на планете плохоедействием - физкультурой.

Началось-то всё для данных обстоятельств хорошо. Подъехали на Юре Чернякове к половине одиннадцатого, с походом, то есть загодя. Оставивши «жигуль» в Лучниковом переулке, под ручку с Юрой минут за десять добрались до означенной в «приглашении» проходной — по морозцу да по выскобленным перед ноябрьскими тротуарам Старой площади вышло чуть ли не в охотку, считай, прогулялись. Но дальше-то с Юрой пришлось расстаться!¹ И — десяти минут не прошло, как, после преодоления всех этих шлагбаумов, кордонов этих с быстрыми, но угрюмыми очередями чиновного люду, с подозревающей всех и каждого милиции у трёх турникетов подряд, после заляпанной невыводимыми опасными ледяными кляксами парадной лестницы, в холл бывшего "Боярского двора" Стругацкий попал уже основательно запыхавшимся, и за рукоять трости взялся по-боевому.

И не прогадал. Тут-то всё и началось.

Не дав ему ни воздуху набрать, ни осмотреться, ни опомниться, ни раздеться хотя бы у гардероба, его опознали, схватили и завернули за какую-то колонну, скрывавшую толстую стеклянную дверь с приделанным к ней прапорщиком, в эту дверь просунули и приказали вперёд арш-арш, и пропал старик Стругацкий за той дверью начисто, канул, сгинул, эвапорировал. Ввергли его в мрачно медицински освещённые катакомбы, погнали по траншеям рекреаций и переходов, ввинтили в вавилоны лестничных пролётов, — никаких лифтов, никаких фантастических эскалаторов, никакой надежды. Не менее четырёх коридоров, не менее шести этажей вверх-вниз, и один коридор очень длинный, а одна лестница очень крутая... Помогай бог, что хоть приставили сопровождающего. Или ведущего. Или конвоира. Или Вергилия, старшего лейтенанта, представившегося невнятно, неслышно за страшным скрипом портупей (почему-то вызвавшим у Аркадия Натановича ассоциации кие-то мебельные), — но хотя бы уж дорогу искать самому не пришлось, мыкаться неизведанным, как элементарный Семён Фарада.

¹ Хотя слышался он ещё долго, не мог остановиться давать советы, повышая голос по мере удаления патрона до крайней степени зычности.

Сначала, впрочем, он запоминал дорогу. (Чтобы, значит, при тактическом отступлении не вонзиться в тупик с очередным крашеным бронзой бородатым бюстом, от которого в бою не будет никакого толку, а может быть будет что и похуже...) Он старался, считал повороты, соображал, сработает ли тут правило правой руки... Но однажды, вытирая лоб платком, сосредоточился на этом, потерял ориентацию и словно компас выронил. И — плюнул. Так было даже лучше. Теперь даже под пыткой не выдать было врагам планов расположения постов охраны и стратегической расстановки бюстов Ленина в здании Центрального Комитета Коммунистической Партии Союза Советских Республик. И дальше он восходил вслепую, на слух: «Сюда, в эту дверь, товарищ Стругацкий. Приготовьте документы». Или: «Вверх по этой лестнице, пожалуйста». Или даже «Прямо и налево. Приготовьте документы».

На очередной лестнице, ведущей их не вверх почему-то, а вовсе вниз, Вергилий вдруг предложил товарищу Стругацкому помощь, а конкретно — скинуть ему, Вергилию, на руки товарища Стругацкого куртку и шапку — и он, Вергилий, с удовольствием их донесёт. (Как будто не он же, Вергилий, и не дал товарищу Стругацкому разоблачиться перед партией в холле, в гардеробе!) «Так, а что, ещё далеко, что ли?» — спросил товарищ Стругацкий, задними ногами тормозя и всем корпусом оборачиваясь. «Ну... ещё сколько-то...» — ответил Вергилий и, поднеся к глазам запястье, осмотрел свои наручные часы так выразительно, с таким человеческим выражением на физиономии, что сразу перестал казаться магическим латинянином. Они опаздывали, как обычные советские люди на производство.

От помощи товарищ Стругацкий отказался, не вполне самому себе отдавая отчёт — почему, и тут же пожалел об этом, и жалел потом всякий раз, после очередной проверки документов переводя дух, навалившись на спасительную трость и ощущая себя марсианским триподом из последней главы.

Сентябрь-октябрь он чувствовал себя очень сносно, и давление не шалило, и лифты в доме ни разу не ломались, и рука сломанная зажила, но, конечно, после сегодняшнего приключения нагулянному здоровью пришёл капут, капут, совершенный. Амба. Надо было послушаться Крысу² и на высочайшее «приглашение» с прибором положить. Вот положить и всё тут. Пусть Олимп идёт к нему сам, если уж Олимпу засвербело... Заболел, мол, старый писатель-фантаст, отстаньте! Нет. Восстал из кресел. Попёрся. Д-добрый гражданин... Ну, ладно.

Приключение однако ж есть приключение. На Старой площади, 8 Стругацкий был впервые, и какие-то общие впечатления сквозь даже по экспоненте растущие нездоровье и раздражение просачивались, оседая на памяти чёткими эмоциональными картинками, запоминаясь, что называется, до востребования. (Как всегда.) Было вокруг безлюдно, бело-жёлто или ярко-серо, и везде ватно-тихо, как в детском саду на Новый год перед приходом детишек. Чёрт знает, никто, конечно, не ожидал, что по этим коридорам будут бесперечь шастать (в окружении самых высокообразованных в стране холуёв и самых смачных в Москве секретуток) портреты с газетных передовиц и стендов ленинских комнат, величественно соударяясь животами и мелодично звеня регалиями, но почти тотальная пустыньность огромного административного здания в разгар рабочего дня посредине бешеной столицы наводила изумление поистине ноздрёвской мощности. И да, тихо было, как в Мавзолее. Тихо-торжественно. Бархатно-краснознамённо. Церковно-гробово. Если перед зданием и в холле кое-какой народ да, ворковал, налившись, а перед гардеробом даже и шумел прилично, толпясь, то сразу же за той, самой первой дверью всё как выключилось разом, как вымерло, и словно бы даже гимн занял виолончелью на пределе слуха, обозначая властвующее здесь нерушимое правило омерты... Или это меня просто в такие места завели, где и должно быть — никому? Где лишь угрюмые внимательные военные тени расставлены в неожиданных местах, готовые в любой момент отдать честь или в упор выстрелить? Но зачем, зачем меня дёрнули? Я-то тут при чём? Нашли, мать-перемать,

² Домашнее прозвище Елены Ильиничны Стругацкой. — (прим. Ред.)

Солженицына... Азимова, мать-перемать, одесского диссидента... О-хо-хонюшки. Ну, ладно. Вступая в пятый круг, и так далее, в общем. Оставь надежду, соль и спички.

...Или они тут исключительно по подземным ходам и по тайным застенным коридорам перемещаются меж статуй и кабинетов? Или (может быть) всё ещё тоньше: так задумано изначально? выполняется исконный план? учинена мефистофельского коварства военная хитрость, образующая дикокаменную сущность архитектурного комплекса ЦК? Ведь любому известно, что мировая революция планируется за городом, на природе, в шалашах, избушках, в крайнем случае на дачах, охраняемых умными немymi овчарками. А вся эта старинная сводчатая паркетная сумрачная (в нутряной сути своей сумрачная, освещения-то вдоволь, как в хирургии) цитадель предназначена исключительно и только для отвода глаз вероятного противника, и населяют её лишь специальные смертники курьеры, ведьмы секретарши, берсеркеры десантники, да различные боевые часовые механизмы.

Каковых механизмов, действительно, было не меньше, чем бюстов. На каждом этаже по десятку штук, — от трогательных ходиков с цепями до полу в стенной нише до массивных электронных панелей, с высоты полутора баскетболистов цифрами огненными зияющих... как на Бобкином заграничном калькуляторе, всякий раз вызывавшем произвольный позыв прикурить от дисплея.

— Да когда ж это кончится? — спросил Стругацкий, остановившись бездыханно без всякого уже повода и вытирая влажный лоб под влажной шапкой влажным платком. Сил не было никаких.

— Ещё немного, товарищ Стругацкий, — сказал старлей с прорвавшейся просительной ноткой. Старлею хотелось сопровождаемого товарища прищипорить, но это было невозможно: товарищ не волинил, исправно шагал, кряхтел, не жаловался, — трудился честно. И прибыл же к означенному в повестке первому подъезду товарищ с запасом, без пятнадцати одиннадцать, для другого маршрута этого бы хватило. Нет, не придаться к нему. Жалко было его. Но всё же они опаздывали, и опоздание было неизбежным, и к сопровождающему могли быть применены санкции. Загадочно, конечно, почему товарища Стругацкого решили пустить от первого подъезда, а не от четырнадцатого, с переулка, где идти было — один коридор, одна лестница. Но начальству видней, или кто-то перепутал, что чаще всего одно и то же. В любом случае, недовольство будет изыскано и выражено, а недовольство всегда имеет продолжение, и сопровождающий был раздражён.

Что опаздывает, понимал и Стругацкий. Придётся оправдываться, а оправдания лишь отягощают. И, главное, противно же!.. Бесчисленные циферблаты лезли в глаза, стрелки с цифрами на решительно всех, как сговорившись, скакали далеко уже за одиннадцатью, и ни стреляющие по-македонски колени, ни паровозная одышка, ни сгущающийся на очках туман не могли уже исказить видение шеренги агтелов-рядовых с разводящим-Хароном на огневой, — рядовые томятся, Харон добывает папироску до картонки, и винтовочки выстыли уж в пирамиде на адском расстрельном ветру, а приговорённый, разгильдяй, растяпа, несерьёзный человек, опаздывает, и вот уж опоздал, вышло время, ушли все поезда, выдохся спирт... и, когда он всё-таки достигает означенного в приговоре места, — там никого из уполномоченных нет, ров под шербатой стеной Дита засыпан, рабочие в телогреечках цедят бетон из тачек поверх ещё шевелящейся породы, столик с делами унесён, окурки расстрельной команды заветрились... и некто с копытцами, нижних гражданских чинов, подъехав лихо на остоле козла, равнодушной скороговоркой зачитывает резолюцию на акте исполнения: вам, Стругацкий А Эн, беспартийный, сочувствующий, мужской, да, не привлекался, состоял, любил, ненавидел, жил, приговорено отныне опаздывать всюду вечно, никогда никуда не успевать, и вот вам бог, а вот порог, аминь, рысью арш-арш!..

Тут вдруг выяснилось, что он всё ещё стоит на месте, превратившемся уже в знакомое место, всё ещё вытирается, всё ещё дышит. Старлей скрипел со всех сторон, с реверберацией. Но пока молчал.

Насколько можно было судить после передыху, место находилось в совершенно другом здании — в административном уроде современной постройки, без никаких приятных сводов, уютных ниш и стен, выдерживающих тараны псов-рыцарей и ядра французов. Момент перехода из дореволюционных палат Стругацкий не запомнил, никаких кордонов с проверкой документов, никаких обычных галерей или волшебных порталов не припоминал, но — отдышался он, глянул вокруг, и сама архитектура возопила.

— Чёрт знает, что, так, — сказал Стругацкий, складывая и пряча платок, бывший хоть выжимай. — Давайте, товарищ старший лейтенант, ведите уж дальше! Надо же было предупредить, что так далеко, пораньше б явился... Да идите вы впереди, я не убегу никуда.

Старлей, ни слова не сказав, обогнул Стругацкого и рванул, и Стругацкий пошагал следом, крепко держась и за трость, и за перила. Сросшаяся рука немела, но с коленями в сравнение, конечно, не шла. Лестничная клетка была глухой, безоконной, освещалась настенными светильниками, ковровая дорожка под железным нечищенным прутком была как бы не третьего строка службы и пыльной вдобавок.

Долго ли коротко ли — поднялись на самый последний этаж, на площадку с вертикальной железной лестницей на чердак. С чердачного люка свисал чудовищный, похожий на медвежий капкан, висячий замок. Простенькие круглые часы над двустворчатой туманного стекла дверью показывали одиннадцать двадцать. Бухало в ушах, но старлей угадал прямо между ударами:

— Пришли, товарищ Стругацкий!

Вот и всё, почему-то подумал товарищ Стругацкий.

— Приготовьте документы, — сказал старлей. — Чутко опоздали. Прошу!

И распахнул дверь.

Стругацкий подчинился и попал в некий тесноватый и низковатый закуток. Стены закутка украшала пожароопасная лакированная рейка, модная у нас там, где победней. На потолке больше гудел чем светил двухсветный ребристый трубчатый прибор. Кроме двери на лестницу здесь было ещё две.

Та, что вела прямо по ходу, была обита всклень со стенами той же лакированной рейкой, и лишь тёмный зрачок глазка в небрежном квадратном пропиле на уровне усов Стругацкого выдавал её.

Дверь налево была намного интересней. Декорированная самоклеющимся шпоном с пузырями массивная стальная плита, а рядом с ней, на стене справа, в аккуратном ящичке плоский телефонный кнопочный аппаратик, а прямо над ней — дивно небольшая красивая телекамера с козырьком. Направленная прямо в душу всяк сюда вошедшего. Очень бы пошёл этой камере красный зрачок.

Никакой таблички.

И ни одного стула. Или хоть снарядного ящика. Один сплошной паркетный пыльный пол.

Старлей, заслонивши клавиатуру собственным телом, звонко щёлкал кнопками. Вводя секретный код. (И задвигались царственно в недрах железобетонных бункеров умощенные солидолом цилиндры, и, пыхнув солидно жёлтым пахучим паром, загудела драконьим ульем главная электронная машина, и на самых главных атомных часах начался обратный отсчёт.) А где паспорт-то мой опять, куда я его сунул, вдруг подумал Стругацкий. Как же неудобно без сумочки для документов! Юра прав, «ничего в руках, кроме трости», но паспорт-то куда я сунул?

Так. Спокойно. Паспорт, в нём повестка в форме «приглашения», членский билет, в портмонете³ пятьдесят рублей в шести бумажках, и «двушек»⁴ девять штук на всякий крайний случай, и валидола полжестянки, и нитроглицерин в трубочке. Сигареты, спички. Начнём обыск. Ксивы в боковом кармане куртки (чтоб выхватить по требованию моментально). Раз-два. Тут, вот они. Портмоне́т у души, за пазухой, с ним вместе и медицина. Три-четыре. Там, нащупаны. Полный полевой набор. Сигареты уже хрен знает, где, и плевать на них пока...

Пока Стругацкий возился, шмоная самое себя, задними мыслями думалось, что по логике пространственного ощущения эта закодированная стальная дверь ведёт-то наружу! Она же в наружной стене явно, тут же явно торец здания, с лестницы же очевидно было. (Или не очевидно?) Часы, значит, достучат, дверь откроется, телекамера кому-то покажет меня, где-то сверят изображение с фотографией в деле, несколько рук подпишут торжественный акт опознания — и вежливый старлей, скрипнув напоследок особенно громко, подпахнёт в спину... Пять-шесть этажей свободного падения до котельной с уютно гудящей топкой пронесутся незаметно. И пожалуйста бриться. Где упадёт эта стрела, там и похороните бедного Робин Гуда. Чёрт знает, что такое! Вот и спички, и расчёска тоже вот.

Старлей, скрипнув совершенно как поезд тормозит, поворотился «кругом», к Стругацкому передом. Лицо и у него было покрыто испариной. Стругацкий насупился. Он был готов ко всему. Ни на жизнь, а насмерть.

— Видимо, придётся обождать, товарищ Стругацкий, — доложил старлей озадаченно. — Что-то не отвечают. А должны ожидать... Будем ждать указаний.

К этому Стругацкий готов не был. Только не торчать здесь, где ничего нет. Трость у меня хорошая, крепкая, четырёхгранная, подумал он, возьму и как врежу сейчас тебе, Сусанин на задании, поперёк хребта. А что, я старенький фантаст, мне можно. Потом камеру расколотить к едрене фене потщательней, а потом на лестницу, пару гранат вниз, в пролёт, — и прорываться. Врёшь, не возьмёшь, вот только очки предварительно протереть нужно. Опять. И действовать. Смело, решительно, по-большевистски. Как же у них тут душно, сил нет. И Юра, он ведь в машине не усидит, он будет бегать взад-вперёд по морозу снизу-вверх по площади, ему же на работу ещё, а к вечеру скандал поднимет наверняка... Международный.

— Долго я ждать не могу, товарищ старший лейтенант, — сказал Стругацкий строго. — Не на чем и присесть тут!

— Придётся, товарищ Стругацкий, — возразил старлей ещё строже. — Вы паспорт приготовьте заранее всё-таки, — напомнил он.

Стругацкий демонстративно-независимо похлопал себя по груди, сдвинул шапку на затылок, навалился на трость, выдвинул нижнюю челюсть дальше усов и прикрыл глаза. К стенам не прислоняться, по помещению не слоняться.

Неужели же всё-таки из-за Брайтона этого вонючего меня сюда дёрнули? А больше-то — что? Дочь, оптимистка, считала, что да, именно из-за Брайтона. Крыса — что из-за чего-то нашего, специального, потягостней, неизвестного и непредставимого. А на дворе-то перестройка, мать-перемать, на дворе новое мышление! Открытость и свобода! А тягают, как маленького. Надо было Боре позвонить, надо. Почему не позвонил, ведь хотел? Чёрт знает, почему. Не позвонил, и всё... Зачем тогда вообще нас выпускали? Больше никогда, ни в жисть, никуда. Если только в Монголию. Надо было наплевать и не идти. Пусть бы сами являлись, коль у них свербит. Давненько меня не вербовали... Почему-то вспомнилась история с рентге-

³ И Стругацкий А.Н., и даже я, Энтё, мы оба прекрасно осведомлены, как правильней и интеллигентней пишется слово «портмоне». — (С.Ж.)

⁴ «Двушка» — в те годы данный бытовой жаргонизм обозначал не двухкомнатную квартиру в Москве, Подмосковье и далее везде, а бронзовую монету СССР номиналом 2 копейки. Чаще всего использовалась для оплаты работы телефонного автомата. Также напр. сл. песню «Две копейки», муз. Д.Тухманов, сл. Б.Дубровин, исп. А.Барыкин. — (С.Ж., по просьбе редакции.)

новскими обысками в квартире покойного «шефа» Иван Антоныча⁵. Сама собой выскочила на поверхность памяти, как поплавок, когда рыба сорвалась. При чём тут это-то, мать-перемать? Не в комитет же вызвали, как Бориса...

Вообще комитетчики любят частные оперативные квартиры. Или отели. Или уж сразу в гости, вдвоём, и от коньячка не отказываются, и сколько нальёшь — столько и выпьют. А сами меня не поили на этих встречах, ни одна сволочь ста грамм не налила... Если б допрос — это бы на Лубянку. Или нет? Зачем сюда, в ЦК?.. Да что я придумываю за них, подумал он вдруг. Да пусть они подавятся. Это же вообще всё моча, кто вызвал, зачем вызвал, почему вызвал, — настоящий-то вопрос, серьёзный, мирового уровня философский вопрос таков: где у них тут сортир?

Больше получаса я не выдержу, это точно. А то и меньше не выдержу... Хоть бы табуретку поставили, суки, хоть бы ящик из-под пива. Пьют же они здесь наверняка, невозможно ведь сидеть в этих стенах и не пить запоем! Не закинуть ли нитроглицеринчику? Или валидолу? Валидол вкусней.

В одиннадцать сорок две где-то — как будто за тридевять подземелий отсюда — зал-пом грохнули засовы, повернулся цепной барабан, грянули торжественный печальный сигнал фанфары титановых петель, и стальная дверь пришла в движение. Старлей слова не успел вымолвить — разъярившийся в ожидании страстно жаждущий в туалет писатель, перехватив трость подмышку набалдашником перед собой, в другой руке, как кинжал, по-сицилийски, в ладонь, сжимая горячий паспорт, ринулся вперёд. И дверь распахнулась перед ним настежь, открывая вроде бы тамбур, узкий наподобие корабельного, и там, в тамбуре, в сумраке мелькнул масляный блик на лысине ленинским аллюром несущегося навстречу человека, и Стругацкий, не в силах затормозить, налетел на этого лысого, толкнул его животом и с размаху встал ему на ногу.

— *****! — воскликнул лысый, но не матом.

Хорошо, что боты надел, а не чоботы английские, с подошвой, подумал Стругацкий. Тогда бы у него перелом плюсны, а мне век воли не видать. Кого же это я, да так удачно?

— Э-э-э... — сказал он, силясь отступить, хотя бы сойти с мягкой отдавленной ноги, и дополнительно топча её. Назад ходу не было: мощно подпирал старлей, сопя, скрипя и лязгая, как танк, не давая табанить.

— Товарищ Стругацкий! — отчаянно крикнул старлей прямо в ухо.

Отдавленный лысый молчал и бился всем телом о живот Стругацкого.

— Э... Я прошу прощения! — сказал Стругацкий, силясь сориентироваться. Перед ним в тамбуре ведь не только этот лысый с отдавленной ногой был, их было двое спереди, этот лысый в очках, на кого он налетел, и за ним какой-то квадратный, через лысину первого с сопением упирающийся Стругацкому в грудь ладонями. Видны оба были контражуром, на фоне освещённого коридора. Тамбур был узкий и длинный. Лысый отчаянно, молча и безуспешно возился. Ладони второго были огромные и каменные.

— Вот это, так сказать, хорошенькое дело! — закричал, наконец, лысый, прекращая сопротивление. — Валера, да убери ты руки свои, выпусти меня назад!

— Слушаюсь, — сказал квадратный близко и жарко. Огромные манипуляторы в пиджачных рукавах отодвинулись, втянувшись. Перед Стругацким образовалось свободное пространство, ногу из-под него выдернули. И сразу стало светлей.

— Ну проходите же, товарищ! — сказал знакомый голос, весьма недовольный.

Стругацкий шагнул из тамбура в предстоящий коридор. Его ждали. Горбачёв, потирая грудь под галстуком, а пострадавшую ногу поджав, смотрел на Стругацкого с удивлённым любопытством, раздражённо, но не зло. Родимое пятно у него на лысине действительно было.

⁵ Ефремов Иван Антонович. См. Википедию. — (С.Ж.)

— Здравствуйте, Михаил Сергеевич, товарищ Горбачёв, — проговорил Стругацкий. — Я прошу прощения. Сослепу налетел. Вот мой паспорт.

И он протянул Горбачёву паспорт.

— Не ему!.. — пискнул басом кто-то ещё. (Да сколько же их тут? А, вот, ещё один, третий. Какой-то подполковник с полуобнажённым пистолетом. Это он пискнул басом. Вообще-то странно, что всего трое. Должно же быть человек двадцать. Или нет?..) Тут Горбачёв засмеялся, опустил ногу, взял паспорт и раскрыл его, поправляя очки.

— Стругацкий Аркадий Натанович, — прочитал он с выражением. — Ага! Так вот это кто генеральных секретарей топчет, ба-ба-ба! — провозгласил он, обильно жестикулируя свободной рукой. — Известный писатель о фантастике Аркадий Стругацкий! Ну что же. Наслышан, слышан. Ну, увсё правильно, увсё верно. Увам сюда. Увас там ожидают! Увот и повестка тут же, ага. Опаздываете, товарищ Стругацкий! Это же как в том анекдоте, товарищи! — объявил он, повернувши корпус как-то так, что стало ясно, что он обращается сразу ко всем людям доброй воли, включая колеблющихся и беспартийных. — Не знаю, так сказать, укто едет, но шофёром у него сам Леонид Ильич! Ха-ха-ха! — Смеялся Горбачёв заразительно и с удовольствием. — Ну, что ж! А у нас, товарищи, генеральный секретарь, Председатель Президиума⁶ паспорта у посетителей проверяет стало быть. А должны это делать увы, подполковник! — вразумляюще проговорил он непосредственно подполковнику и похлопал его по галстуку паспортом. — Ну что ж, ничего, товарищи. Смешно увышло. Даже я как-то повеселел. У нас увсе профессии почётны! Увы согласны со мной, товарищ Стругацкий? Нате вам свой паспорт. Увы как фора! Простите, что задержал, проходите. Отдалили мне нобу несильно, не беспокойтесь. А то чуть теракт у нас с вами не вышел! Расскажу сегодня моим, как писатель Стругацкий мне ногу отдал, ха-ха-ха, не поверит никто!

— Вы меня простите, товарищ Горбачёв, — сказал Стругацкий серьёзно. — Сослепу я, так.

Горбачёв махнул рукой.

— Живы, и слава богу, — сказал он в тон. — Иногда полезно чтобы и генеральному секретарю отдалили что-нибудь. Чтобы не расхолаживался, чтобы не зазнавался. Чтобы чувствовал! Это же увам не выпить-закусить, товарищи, когда чувствуешь. Ну, мне пора. С увами сейчас поговорят, вас ждут, а вы уж прислушайтесь там, я вас прошу, товарищ Стругацкий. Потому что сложилось мнение, что есть необходимость вашего участия, я увам больше скажу, сотрудничества. Всего увам доброго, до новых встреч. Валера, давай-ка вперёд. А увы, подполковник, разберитесь со своим телевизором. Знаете, сколько он, наверное, стоит? А увладеть им не научились. А пора бы уже. Предупреждать подобные столкновения. Ну, что же? До свиданья, товарищи! С наступающим вас праздником, товарищ Стругацкий!

Квадратный человек с каменными руками и наскальным профилем протиснулся между генсеком и Стругацким в тамбур. Горбачёв, тем временем, простёр руку пожать, Стругацкий сунул паспорт свой куда попало за пазуху, осторожно, борони бог задеть Хикари-Тико-Удо, Сверкающего Боя с небесной Ногой, отдаленной на земле, переложил трость из-под правой подмышки под левую и ответил на высочайшее мягкое, но вовсе не чиновничье пожатие. Горбачёв был без пиджака, в сером шерстяном жилете и малиновом галстуке с крапинкой. По домашнему. Он был вообще-то довольно высок, не коротышка. И родинка. Когда буду всё рассказывать, пронеслось в голове, отдельно совру, как я, стойкий старик Стругацкий, сдержался, чтобы не поклонить палец и не потерять ему родинку на предмет подлинности. Какое там — «всем», тут что ни Расскажи, сплошной «Ленин и печник» на выходе... Мокасин я ему уделал вон как... Бобу расскажу, но не по телефону. Двадцатого и расскажу. Пусть восчувствует.

⁶ Чувствовалось, что эти слова идут у него с красных букв. — (прим. автора)

— И вас также с наступающим, Михаил Сергееч, товарищ Горбачёв, — сказал Стругацкий.

— Съездили, говорят, в Британию вы? — спросил Горбачёв знающе и как бы уже уйдя, и встряхнул руку.

— Было дело, — ответил Стругацкий кратко, как «так точно».

— Ну и слава богу, что съездили; до свиданья, товарищ Стругацкий! — сказал Горбачёв, отнял, наконец, руку и, всё-таки прихрамывая, ушагал в тамбур, с места — в историю. Дверь с этой стороны тоже была и тоже стальная, массивная. Она стала волшебным образом закрываться, и закрылась. Настала гробовая тишина. Подполковник и Стругацкий устали друг на друга.

— М-мать, — сказал Стругацкий как на духу и перевёл его. — Кому сказать спасибо, что живой. Куда это я попал-то.

На лице подполковника было написано что-то вроде того же. Он мигнул и выпустил пистолет обратно в кобуру.

— Куда мне дальше-то, товарищ подполковник? — спросил Стругацкий.

— Тут два шага. Провожу, — сказал, застёгивая кобуру, подполковник. — Прошу вас, товарищ. Стругацкий.

Стругацкий было вздохнул, но идти оказалось именно два шага, не больше десятка. Коридор был тупиковый, обитый той же лакированной рейкой. Огороженный фанерным барьером столик подполковника с чёрно-белым телевизором (на экране, перерезанный неподвижной помехой, ещё стоял «смирно» бедный старший лейтенант, а возможно, уже и младший. Хотя сейчас, кажется, нет младших лейтенантов...) Три двери дальше по коридору. Две в стене справа, одна слева. А в торце коридора дверей не было. Был тупик. Радиатор отопления был там, в тупике.

Подполковник Стругацкого подвёл к двери слева.

— Вам сюда. Вот звонок.

— Так. А вам паспорт-то мой не нужен?

Подполковник матюгнулся.

— Так точно, — сказал он. — Виноват. Упустил. Пройдёмте обратно.

У столика с телевизором (экран от скрипучего старлея очистился, но помеха осталась) подполковник прилежно изучил паспорт и «приглашение», вписал полученные данные чертёжным почерком в приходно-расходный журнал, попросил расписаться в графе «прибытие». Стругацкий расписался, где велели, сильно наклонившись к журналу и поддёрнув, как брюки, очки. Когда он выпрямился, рядом с ними стоял ещё один человек.

Человек подошёл так тихо, возник настолько из ничего, что отшатнулся, его заметив, и подполковник (человек вооружённый, не молодой, выдавший виды).

Человек был капитан в повседневной зелёной рубашке, с пушечками на погонах, брюках-в-сапоги, простоволосый, совершенно седой, невысокий, худощавый, очень ладный и очень... острый. Больше всего ему подходило — «острый». Сапоги на зимней подошве остро горели, надраенные. Смотрел он остро. Лазерной остроты стрелки на рукавах рубашки. Остро доставало шпор. Подполковник, между прочим, опомнившись, встал перед капитаном «смирно».

— Товарищ Стругацкий, здравствуйте, — сказал капитан. — Это я вас пригласил. Спасибо, товарищ подполковник. Простите за задержку, Аркадий Натанович, прошу вас, сюда, в кабинет. — И он чётко посторонился и сделал отточенный приглашающий жест.

— Здравствуйте, товарищ капитан, — сказал Стругацкий. Всё это очень благородно, но... — А что, товарищи, где у вас тут сортир? — спросил он.

— Прошу вас, — повторил капитан настойчиво, для жест. Вообще говоря, сортиры для народа и простого чиновничества в местах присутственных располагаются в рекреациях. За

одной из оставшихся двух дверей, то есть. Что ж получается, и сортир старым литераторам в ЦК запрещён навроде гардероба?

Поразительно, но капитан понял метания. Как прочитал. И объяснил:

— Прошу вас, Аркадий Натанович. Можете воспользоваться моим туалетом.

Вот это да. Капитан с личным туалетом! Горбачёв не у капитана ли этого на докладе был? И кто кому там докладывал? А вообще-то похоже, что Горбачёв именно от него вышел. Вообще парень серьёзный, сразу видно. Этот бить по почкам не будет, это — интеллигент. И не Штирлиц, не Мориарти. Что-то новое. И сам бить не будет, и другим не даст. Просто застрелит. Здесь вообще по почкам не бьют, потому что бесполезная трата времени. Здесь — конечная.

Больше не рассусоливая, Стругацкий проследовал. За дверью собственно кабинета не было, там была прихожая. Дверь прямо (опять стальная), простая картонная дверь налево — санузел. (Как же дом чудно построен, ведь полное ощущение, что мы сейчас вышли за стену...) Вешалка-пальма, капитанская приличная шинель на ней, шарф, на полочке — шапка. Хороший паркет. Корзина для мусора. Пустая. Чисто.

— Я вас не жду, товарищ Стругацкий, вы потом сразу проходите, дверь будет открыта, — сказал капитан. — Раздеться можете здесь, вот вешалка. Да позвольте вам помочь.

Стругацкий нахлобучил на вешалку свою шапку, пересовал из карманов куртки в карманы пиджака сигареты, портмоне и остальное, скинул куртку на руки капитану и бегом, в шарфе, скрылся в туалете, там сразу же уронил трость и заперся. Капитан аккуратно повесил куртку любимого писателя, проверил замок на входной, отпер кабинет, включил фиксатор нижнего замка, чтобы язычок не дал двери захлопнуться, прошёл внутрь и сел за свой стол, переживая момент. Первое впечатление от старшего брата, видимо, было общим для всех: впечатление огромности, в том числе физической. В документах этого не было, но росту писатель был едва ли не за два метра. Мало ли высоких людей? Нет, подумал капитан, тут дело в другом. Он как натопленная печка-голландка. Большой и жаркий. Но и с трещиной какой-то. Слишком тонкие ноги? Или болен не по возрасту? Надо было запросить всю его медицину. И надо будет. Капитан представил, чего стоил пожилому писателю путь от первого подъезда. Тут и добрый молодец запалится. А в предбаннике, там ведь даже стула нет. Собственно, весь последний час визита Горбачёва («Дохлых сусликов я вам ещё могу спустить! Но человек без головы! Что же это такое, товарищ Житкур?! Как же это так?! И с товарищем Язовым очень неудобно ведь вы... Что вы там ему наподсовывали, я не понимаю? Третий день человек то ли с давлением дома лежит, то ли пьёт без просыху! А у него парад!») капитан только об этом и думал: в предбаннике у шлюза нет ни единого стула, хоть кол им на голове теши, поставлю — утаскивают, а старик, написавший на бумаге половину всего о половине всего, только что хорошо пробежался по этажам, и сколько ему там стоять, пока Горбачёв обо всём расспросит — неизвестно. Но генсек есть генсек, его не выгонишь: ваше, мол, время вышло, товарищ Горбачёв, у меня другой посетитель. Вообще-то капитан знал за собой, что выгнать-то ему не слабо, но вот результат... И Андрей Витальевич сказал: «Горбачёва — береги!»

Обидно, что на идиотов в отделе пропусков, перепутавших подъезды, даже телегу смысла нет катить. Просто не поймут, о чём речь идёт.

Ладно, все живы, и живы будут.

Дверь кабинета распахнулась. Капитан тотчас встал. Стругацкий, щурясь под очками, оглядывался с порога, растирая мытые руки и покачивая влажным чубом. Шарф он снял, был в костюме, брюки были коротковаты, под пиджаком был пуловер поверх жёлтой рубашки. Из нагрудного кармана пиджака торчал колпачок авторучки.

— Прошу вас, проходите, присаживайтесь, товарищ Стругацкий.

— Так, — сказал Стругацкий, выдвинув челюсть.

Кабинет у капитана был поразительный, подстать сортиру с ванной и заграничной стиральной машиной. Большой кабинет, метров под тридцать, во-первых. Во-вторых, не было окон, ни единой щёлочки к свету божию. Во-третьих, интерьер. В углу налево находился натюрморт из громадного, метров полутора в поперечнике, глобуса Луны и — вокруг глобуса набора каких-то штативов, наподобие фотографических, нескольких погашенных ламп на ножках и уж определённо фотографического белого зонтика, и на телевидении такие же Стругацкий видал. Стены не соответствовали очень хорошему паркету, простой блёкло-зелёной краской крашенные до середины, как в подъездах, и краска была старая, неровная, с облупинами. Рейка, однако присутствовала и тут: примерно погонных метра три стены слева почти до потолка были этой рейкой покрыты, но не для украшения, а в качестве доски для ростовой аппликации, здорового коллажа из неких фотографий и картин. (На фоне этой аппликации стоял чайный столик, обрамлённый двумя стульями.) Стругацкий пригляделся.

Фотографии и картины, составляющие коллаж-аппликацию, изображали спирали, во всех известных их, спиралей, природных и рукотворных формах. Галактики, моллюски, живые и ископаемые, винты, шурупы, огромный цветной плакат с блестящим ножом от мясорубки, взрывные схемы буровых установок, машинные реконструкции спиралей ДНК, квадратные цветные фото антициклонов и циклонов «вид с орбиты», пружинки, пружины и пружинища, — под сотню картинок и фотографий на кнопках и клею, и тут Стругацкий понял, что где-то про подобную выставку читал, а ещё точнее, писал её, выдумывая и вспоминая виды спиралей, и, сообразив это, он впервые почувствовал интерес к ситуации, почти молодой интерес, с молодой злостью пополам. Досада и раздражение резко усилили интерес. Что это за выставка такая из моего сценария? Специально устроили? Но некоторые фотографии очень старые, уголки загнулись... а когда там сценарий вышел? Прошлой весной? Как его, пса, этот журнал... Но и с какой статьи, собственно? Что тут происходит?

Л-ладно, разберёмся, сказал он. А капитан молодец, стоит, молчит, ждёт, пока я насмотрюсь, так сказать. Освещение, прямо скажем, у капитана не очень, но сама по себе люстра-вентилятор очень хороша должна быть летом, хоть и всего один плафон горит. Стой. Да стой же! Книги!

Стругацкий увидел книги. Кабинет был завален книгами! Их было так много, что сразу и не сообразишь. Стол капитана, чайный столик под стенной аппликацией, стулья у столика, и вся стена по правую руку от пола до середины стены — покрывали стопки разноцветных книг. И это была сплошь фантастика, и ни одной, так сказать, книжки советской глазом не определялось. Иностранщина. Новенькие нечитанные покеты, в пачках и разрозненно, и новенькие нечитанные хардковеры в запаянных целлофановых упаковках, и небитые лакированные с тиснением золотом футляры для особенных изданий. Комплекты собраний сочинений. Серии. Альбомы. С грудями и бластерами. Тысячи две книжек разом, ей-богу. Подобное зрелище Стругацкий видел прошедшим летом, но то-то была Англия, специальная выставка-продажа, в огромном павильоне, а оглушающее впечатление смазывалось предшествующим ожиданием неизбежного книжного пиршества... Но здесь... после всех этих лестниц... ментов с прапорами... под унылейшими сводами средоточия...

— Присаживайтесь, Аркадий Натанович, — повторил капитан. А ведь он молод, этот капитан, лет от силы двадцати шести на вид. А седой. Седой парень. Надо было Гага сделать седым. Перед столом — обычным канцелярским столом, дешёвым, правда, очень большим — стояло кресло, из тех, что ставят в фойе кинотеатров и залах ожидания побогаче, красное, квадратное, две твёрдые подушки из кожзаменителя под зад и под спину на массивных никелированных трубках конструкции. Удобно — не удобно, но — надёжно. Ладно. Мало ли от чего люди седеют.

Стругацкий прошёл и, кряхтя, уселся. Кресло стояло чуть боком к хозяину кабинета. Когда тот тоже сел со своей стороны стола, оказалось, что глаза хозяина и посетителя точно на

одном уровне. Так. Стругацкий расправил усы, пригладил волосы. Ну-с, вот мы и тут. Посмотрим, что тебе от меня надобно, острый седой парень. К чему мне товарищ Великий Могучий Утёс призвал прислушаться. Стар я уже одними-то книжками заграничными очаровываться.

— Палку я забыл у вас в ванной, — выпалил он неожиданно для себя. — Буду уходить — забуду, как пить дать.

— Минутку, — просто сказал капитан. Легко поднялся, сходил и принёс трость, щёлкнув попутно замками на двери. Двигался он совершенно бесшумно. Как негр на охоте, почему-то подумал Стругацкий, принимая трость и благодаря кивком. Сложил на рукояти руки и стал ждать начала. Стараясь не пялиться на корешки книг перед ним на столе. Тут был невиданный Лем, «Fiasko», издательства Suhrkamp, известный «двойник» Муркока, у Миши Ковальчука есть такой, целая стопка Ле Гуин («City of Illusions» сверху), и почему-то на самом свободном пространстве — «Стажёры»-перевёртыш... в очень хорошем состоянии, кстати, давно такого экземпляра не видел, острые уголки, золотая краска на переплёте даже не потускнела. (Опять часы, и тут часы.) Аг-га, это у меня будут автограф брать потом, после предложения, от которого мне не отказаться. Надо кассету с «Отцом» обратно потребовать, две недели уже, сколько можно.

— Чем могу быть полезен, товарищ капитан? — сказал Стругацкий, позабыв, что слово себе дал молчать, если не спрашивают, ещё дома, ещё вчера, честное и благородное.

— Уважаемый Аркадий Натанович, — сказал капитан, глядя прямо. Помедлил. А потом проговорил буквально следующее: — Я почти год к встрече с вами готовился, ума не мог приложить, как вам представиться, как изложить суть дела так, чтобы не заставлять вас подписывать бумажки о сохранении государственной и военной тайны высшей категории секретности.

— Ничего не собираюсь я подписывать, — сказал Стругацкий тотчас, реагируя на главное, наизначительнейше наисамейше важное, ахлэллан. — Не нужны мне ваши тайны! Лучше уж сразу меня отпустите. Или там... Так. Я хочу быть совершенно однозначно понят, в общем. Капитан кивнул.

— Понимаю вас. Но дела сложились так, что необходима ваша помощь. Остро необходима. Срочно необходима, Аркадий Натанович. Причём, говоря «ваша», я имею в виду не только лично вас, а «братьев Стругацких». Обоих. Профессиональная помощь.

— Борис Натанович тоже ничего не будет подписывать.

— Я это понимаю, понимаю... Хотите пить, Аркадий Натанович? Есть «Тархун», «Байкал», можно чаю заварить. Со слонами ещё.

— Спасибо, товарищ капитан! — сказал Стругацкий непоколебимо.

— Только скажите, в общем... Так вот, Аркадий Натанович, я, как мне кажется, всё-таки нашёл способ объясниться с вами более-менее полно, но не ставя вас в неудобное и ненужное вам положение. Тут есть другой риск, в том смысле, что вы можете воспринять происходящее как розыгрыш, идиотскую шутку, но у меня остаются хотя бы варианты... убедить вас. Вы согласны меня выслушать? Без никаких предварительных условий? Ничего не подписывая?

— А у меня есть, так сказать, выбор? — спросил Стругацкий злобно.

— У меня выбора нет, вот в чём дело. Я обязан вас заинтересовать и получить от вас — от вас, братьев Стругацких, — абсолютно необходимую мне — и не только мне — консультацию. Это служебная необходимость.

Тирада была очень веско произнесена, проклятое любопытство ворочалось, но надо было сразу всё расставлять на места и прихлопывать точками.

— Так вы даже не представляетесь сидите, молодой человек, а вам от нас, Стругацких, уже что-то нужно! Поздно нас уже вербовать, капитан. Мы с вами в одном звании, между прочим. И никаких подписей и обязательств.

— Это не вербовка, Аркадий Натанович. И я, конечно, все возможные материалы и по вам, и по Борису Натановичу изучил, товарищ капитан запаса.

Возьми такого за рупь за двадцать. И ведь сам виноват, напросился. А то было непонятно, что дело он проштудировал.

— Что — вам — нужно? — спросил Стругацкий. — Прямо говорите.

— Мне нужна консультация, Аркадий Натанович. Точней, мне нужно нанять вас на работу. Ведомству, начальником которого я являюсь, необходима полноценная модель образования и существования на территории СССР «Зоны Посещения» из вашего «Пикника на обочине». Как это было бы в реальности. Вот в этой, в нашей реальности. Здесь, у нас, сейчас, в СССР, в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году. И мне нужно, чтобы вы — братья Стругацкие — эту модель создали. Как Бромберг свой «Меморандум» для Каммерера.

Стругацкий откинулся на спинку кресла и задрал подбородок так, будто пытался рассмотреть капитана из-под очков.

— Вы сейчас серьёзно? — осведомился он.

Капитан не смутился ничуть.

— Абсолютно серьёзно. Никаких провокаций. Я бы хотел, чуть перефразируя Каммерера, внушить вам тревогу по поводу нашей неподготовленности в вопросе образования на территории СССР зон, тождественных описанной вами в «Пикнике на обочине». Неподготовленности государственных служб и организаций. Внушить настоящую тревогу.

— Вы серьёзно? — повторил Стругацкий. — Целое секретное ведомство ЦеКа вот этим вот занимается?

— Очень плотно занимается. И зверски секретное ведомство, Аркадий Натанович. Я ведь даже фамилии вам своей не могу сказать, представьте себе. Зовут меня Кирилл.

Стругацкий снял очки и закусил дёснами дужку.

— Вы ведь понимаете, что это, так сказать, только на розыгрыш и тянет? — Он посадил очки обратно на нос и обвёл рукой круг себя: — На дорогостоящий розыгрыш, это я признаю. ЦеКа Кэпээсэс, Михал Сергеич собственной персоной прямиком от вас выходит... рекомендует вас... книжки такие замечательные у вас повсюду навалом, всё ГэБэ работало, наверное, скупало за золотые рубли. Луна в углу какая у вас замечательная, а уж декорация из нашего сценария на стене — так это просто высший сорт, чистая работа. Прекрасно сделано! Но вы серьёзно полагаете...

— Какая декорация из сценария? — спросил капитан удивлённо, и именно тут, из-за этого неподделанного удивления, Стругацкий разом вдруг ему поверил.

— Вот эта, со спиралью, — сказал он, по инерции обличающе, и показал рукоятку трости.

С полминуты капитан смотрел на аппликацию. Было видно, что он и взял бы в толк, но информации недостаточно.

— Я не понимаю, о каком вашем сценарии идёт речь, Аркадий Натанович. Это было сделано до меня, не мной. Давно, несколько лет назад, я не знаю точно. Тот человек погиб.

— А как была его фамилия? — бухнул Стругацкий, потому что не знал, что тут можно сказать.

Капитан почесал бровь ногтем большого пальца. Брови у него были тёмно-русые, без седины. Да, он походил немного на портреты Булгакова, складки от крыльев носа вниз, форма лица, всё это, конечно, Стругацкий давно проассоциировал, и даже какой-то план действий наметил, как, значить, дать шутникам по заду, мнэ-э, мешалкой... но вот это его, капитана, удивление про сценарий и спирали... Учат же их специально, вот что... Не терять бдительности! Да не может ему быть двадцать шесть. Что я — не видал нынешних молодых? Два слова не свяжут...

— У него была та же фамилия, что и у меня сейчас, Аркадий Натанович, — непонятно ответил наконец таинственный капитан на странный вопрос. — И она секретна. Нет, ужасно это сложно. Даже Бромберг ваш не помогает... Как же быть-то? — спросил он у себя.

— Секундочку, товарищ капитан! — сказал Стругацкий, которому пришла в голову спасительная, как ему показалось, идея. — Давайте-ка проясним. Так. — Он построил в голове вступление и вступил: — Я, в общем, охотно верю, что любое правительство любой цивилизованной страны имеет военные и дипломатические планы на случай, так сказать, прилёта иного разума. Возможно, для составления таких планов привлекаются и писатели-фантасты. Но вы очень конкретно называете наш «Пикник», нашу Зону. Хорошо. Вот я вам вот что предлагаю, товарищ капитан, в этой связи. У нас в этой повестушке был один абзац про Зону в Сибири, его отовсюду выкидывали. Один абзац, всё, что мы придумали про советскую Зону, больше ничего не было, даже в разговорах. Могу выдать вам без отдачи экземплярчик машинописи, где этот абзац есть, или даже просто листочек оттуда. Можно прямо сейчас и поехать. И вам хорошо, и мне. А? И расстанемся, довольные друг другом.

В этот момент на столе под книгами зазвонил телефон. Стругацкий замер. Капитан, удивлённо вздёрнув брови, вытащил из книг белую трубку, сказал: «Слушаю вас» — и, действительно, стал слушать. Дослушав, он сказал в трубку «Ожидайте», прижал трубку к груди и сказал:

— Это вас, вообще-то, Аркадий Натанович. В приёмной скандалит ваш врач. Он вас сопровождает, как я понимаю.

— Так, ну да! — сказал Стругацкий, выпрямляясь. (Юра может, это он молодец.)

— У меня к вам нижайшая просьба, Аркадий Натанович, — сказал капитан. — Вас приглашал сегодня сюда некто капитан Лебедин Дмитрий Фомич, инструктор ЦК по общей культуре. Порасспросить о ваших впечатлениях от поездки на симпозиум фантастов в Брайтон. Не завербовали ли вас там ненароком любители зарубежной фантастики. Ну и вообще. Хорошо?

— Капитан по общей культуре? Да с удовольствием, я же не сумасшедший анекдоты про ловцов пришельцев из ЦеКа по Москве разносить, — произнёс Стругацкий. — Но что мне Юре-то конкретно сказать по времени? Когда вы меня отпустите? — Стругацкий вспомнил. — Ему на дежурство к двум часам дня вернуться надо, а он меня привёз.

— Скажите, что пока неясно. В любом случае я вас лично доставлю домой на автомашине.

— А который сейчас час? — спросил Стругацкий, вертя головой. — У вас как-то часов тут не висит... Странно.

— Сейчас шесть минут первого, — ответил капитан как будто наизусть. — Сейчас с ним поговорят, подзовите его, — сказал он в трубку и протянул её через стол Стругацкому. У трубки был заграничной длины витой шнур, оказывается, не натянулся, а свободно лёг на книги, и ещё вольготно сидеть, разговаривая, хватило.

— Юра! Алё! — сказал Стругацкий.

— Аркадий Натанович, что там у вас, где вы? Я...

— Ты погоди, ты меня послушай... Тут у меня, значит, про Брайтон беседа, а ты меня не жди, а прямо езжай на своё дежурство. Меня обещают доставить на машине. Да и вообще, день на дворе, деньги есть, доеду, если что. Тут нормально всё, никто меня не пытается. Деловой разговор.

— Я дождусь.

— Ну, сам смотри. Просто я не знаю, сколько ещё. Ты ехал бы спокойно. Я из дому позвоню тебе.

— Как самочувствие?

Стругацкий, как привык при этом вопросе Юры, послушно прислушался к себе и вдруг загнулся. Он чувствовал себя прекрасно. Нет, на самом деле прекрасно. Прекрасно и странно. Он потрогал колено. Или просто странно... Или странно, потому что прекрасно?

— Отлично моё самочувствие, — упавшим голосом сказал он, думая одновременно, что надо было сейчас соврать.

— Сэнсей!

— Да нет, я правда... Серьёзно, отлично чувствую. Ей-богу. (Он вспомнил, где он находится и что тут творится, и заторопился.) Всё, Юра, давай, отбой, неудобно. Ах да, адидас, адидас!

— Я дождусь!

— Ты лучше езжай. Всё, отбой.

Стругацкий отдал трубку и замолчал, сложив губы трубочкой. Потом встал и прошёлся до двери, вернулся, сел снова. Потрогал колено.

— Странно, — сказал он.

— Нет, — ответил капитан, зачем-то приложив трубку к уху и слушая гудки.

— Что значит — «нет»? — спросил Стругацкий.

— Не странно, Аркадий Натанович. — Капитан спрятал трубку обратно в книжки. — И это всё не шутка, не провокация. Но что-то объяснять... я и правда не могу. Продолжим?

Стругацкий долго молчал, думая чёрте-что. Потом попросил:

— Водички простой можно? Что-то в глотке сухо.

По левую руку от капитана, там, где у нормальных чекистов стоит крашенный сейф с делами, наганом и тухлой водкой, стоял невысокий холодильник. Сверху на холодильнике (заметил Стругацкий, сосредоточившись) красовался некий агрегат с прозрачной колбой посередине. Кофейник? Капитан копался в холодильнике. Стругацкий взял «Стажёров», повертел книжку в руке, положил обратно. Нечитаная.

— У меня тут вторые экземпляры, нечитанные, я даже пачки не вскрываю, — сказал капитан, обходя стол с запотевшей бутылкой боржомом. — Запас карман не тянет. Давайте переместимся сюда, за столик, Аркадий Натанович.

— Темновато тут у вас, — сказал Стругацкий, следуя приглашению. Ноги шли, как будто в сапогах-сорокоходах. Трость он оставил прислонённой к креслу. Капитан убирал со столика книги, обращаясь с ними привычно-умело, как опытная повитуха с младенцами. С нижней полки столика достал бокалы, чистые, недавно сполоснутые.

— Я редко здесь бываю, — сказал он. — Книжки накрываю газетами, а лампочки поменять уже руки не доходят. Да и убираться самому приходится. Сюды почти никому нельзя. Вы — пятый посетитель этой комнаты.

— За сегодня пятый? — спросил Стругацкий юмористически.

— Вообще пятый. А без допуска — вы уникальный посетитель. Видимо, первый и последний.

Стругацкий крикнул. Они уселись. Стул был надёжный. Капитан очень ловко пальцами содрал крышку с бутылки и разлил боржом. Выпили.

— У меня странное ощущение, что вы меня не разыгрываете и не дурите, так, — сказал Стругацкий, вытирая усы. — Но дураком чувствую себя.

— В мыслях нет разыгрывать и дурить, Аркадий Натанович. Зачем, главное? Да и дорого выходит, вы же правы. Но нет никакой постановки, Аркадий Натанович... Дураком чувствую себя я, на самом деле. Просто мне позарез, настолько позарез... — Он задумался. — Кстати, возможно, будет верно отдельно сказать, что работа по нужной мне теме, если вы согласитесь, ни в коем случае не бесплатна. Договор, аванс, всё официально.

— И сколько же вы готовы заплатить? — спросил Стругацкий, сразу напрягшись.

— Заплатить мы можем сколько скажете, — сказал капитан задумчиво. — Сумма по десять тысяч рублей каждому, как начальная, подойдёт?

Стругацкий со стуком поставил стакан на столик.

— Неверно, значит, было озвучить, — сказал капитан, задумчиво кивая.

— На лету хватаете, неверно. На колу мочало получилось, так. Ещё и денежные аферы. Отпустите вы меня с глаз долой, капитан. На покаяние.

— Такая служба, приходится рисковать.

— Тяжёлая служба, — сказал Стругацкий с риторически-вопросительной интонацией. Ему не очень сейчас хотелось с глаз долой. Ему было любопытно, как в старые времена, чёрт бы их подрал. А-й-й-й, подумал он. Ведь и конидохнут — от любопытства-то.

— Не тяжёлая, нет. Но очень страшная, Аркадий Натанович. Скажите, как вам пришли в голову живые мертвецы, там, в «Пикнике»?

— Всё это, товарищ капитан Кирилл, сейчас неважно, — сказал Стругацкий после паузы. — Вы видите, что я вижу, что вы видите, что намёки ваши и недоговорки производят на меня впечатление. И действительно производят, так. И чувствую я себя, как будто кислорода хватанул... — И он замолчал, трогая колено.

— Аркадий Натанович, вот что я решил, — сказал капитан, не дождавшись продолжения. — Я вам покажу одну штуку. Откуда штука, что за штука и зачем она, я объяснять не имею права, да и не смог бы, откровенно говоря...

Стругацкий взирал на него, невидя за бликами в очках.

— Эту штуку не видел даже Горбачёв, мой непосредственный начальник. Всё, что я знаю о вас из ваших книг и из вашего дела, свидетельствует, что вы не трепло и не звонарь. Пожалуйста, не рассказывайте о ней никому, кроме Бориса Натановича. Кстати, нас не подслушивают, не снимают и не записывают...

Тут он вдруг осёкся и поморщился. Как будто, не хотя, а соврал. Стругацкий ждал, но теперь с той стороны продолжения не последовало, и Стругацкий произнёс:

— Что ж, покажите. Так.

И капитан решился окончательно.

Он сходил к письменному столу и вернулся с большим коричневым портфелем. Из портфеля была извлечена здоровенная кобура на ремне. Стругацкий наблюдал.

— Специально заказывал кобуру, — объяснил капитан, открывая кобуру и доставая почему-то ТТ, старого доброго знакомого. — Чтобы и пистолет помещался, и... — Он положил пистолет на столик перед собой, а из кобуры осторожно вытряхнул на напряжённую раскрытую ладонь какую-то чёрненькую штучку, как уголёк чёрненькую. Стругацкий наклонился над столом, поднимая очки обеими руками. Чёрный кубик, сантиметра четыре, меньше спичечного коробка. Совершенно чёрный. Было понятно, что это именно кубик только из-за ракурса, никаких отблесков на гранях.

— Что это? — спросил Стругацкий.

— Это самое интересное. Я не знаю, Аркадий Натанович.

— Не знаете?

— Ни малейшего представления. Чёрный кубик. Длина ребра — сорок два с половиной миллиметра. Но весит он три килограмма восемь грамм.

— То есть? Что вы имеете в виду? Вот эта штучка? Сколько, вы сказали?..

— Три килограмма. И это ещё не самое интересное. Смотрите.

Капитан осторожно, но быстро убрал ладонь из-под кубика. Кубик остался висеть. Кубик начал тихо поворачиваться, но остался висеть в воздухе над столом.

— Здорово, правда? — спросил капитан.

Стругацкий спохватился и закрыл рот.

— Если посветить в него сильным тонким лучом, то луч пропадает в этом кубике весь. Никогда не выходит наружу, — с нежностью сказал капитан. — Не отражается. Лазером я не пробовал, у меня его нет. Но, думаю, будет то же самое. Ни поцарапать нельзя, ни разбить. И он летает. — Капитан сел. — Но без реактивности, без магнитных дел. Вот он сейчас вроде бы в невесомости, понимаете. А когда его берёшь в руку, и он чувствует опору — раз, и снова три кило. Сейчас я уже привык, а сначала, конечно... Как трёхлитровую банку полную в кулаке держишь.

Стругацкий поверх кубика из-под очков таращился на капитана. Потом выпрямился, уронил очки на нос и как-то очень характерно вздёрнул подбородок, чуть направо-вверх.

— А хотите подержать? — спросил капитан, оглаживая свой кубик подушечкой пальца. — Я к вам его толкну осторожно... Это совершенно безопасно, Аркадий Натанович! Ни радиации нет, ничего такого, вредного. Даже... Он... Э-э... Нет, это я не могу. Но прошу вас, попробуйте. Согласны? Интересно же, правда?

— Э-э... Ну давайте.

Капитан, приложив заметное усилие, длинным сопровождающим движением толкнул кубик. Кубик поплыл. Стругацкий встал, уронил стул на штатив позади и выставил руку горсточкой навстречу. Кубик плыл, величаво поворачиваясь.

— Не забывайте, он сейчас невесомый, но массивный. Не принимайте его жёстко, оставляйте, как бы отталкивая, — торопливо инструктировал капитан, тоже встав. — Как будто большой маятник останавливаете... Вот-вот, да! Интуитивно получается, верно? Масса! Так космонавты чувствуют динамику массивных вещей, я разговаривал с ними, спрашивал. Ничего не весит, а руку можно разбить, если ударишь. Нет-нет, это не про этот кубик, конечно, — пояснил капитан, — а вообще про невесомость. Тут сложнее, потому что размер и масса у него... Так сказать... Не соотносятся.

Стругацкий, повертевшись на месте, нашёл и поднял упавший стул, сел на него и приблизил к остановленному кубику лицо вплотную. Как дырка в воздухе, чёрт знает, что.

— А если я его возьму и поставлю на стол? — спросил он.

— Если осторожно и вплотную его подогнать и прижать без нажима, то минут через пять он как бы осядет на опору и начнёт весить. А если взять, то он на вас среагирует сразу.

— Начнёт весить... — пробормотал Стругацкий, подводя под кубик ладонь.

— Секунду! — сказал капитан военно. Стругацкий замер. — Аркадий Натанович, ещё раз. Он очень, очень тяжёлый. И нельзя предвидеть, когда он решит набрать вес в руке. Набирает вес он не мгновенно, плавно, но быстро, за секунду-две. Запомните: полная трёхлитровая банка. Можно уронить от неожиданности. Я первый раз подумал, что он раскалится и обжёт меня. Мозг объяснил сам себе как бы, что это ожог. Очень странное чувство.

— А уроню? — спросил Стругацкий.

— Грохоту будет. И останется лежать.

Стругацкий сжал кулак и громко выматерился, когда кубик мощно и остро давил его руку вниз, как ужалил. Но справился, примерился, опёр локоть на колено, раскрыл ладонь.

— Здорово, правда? — спросил капитан. — Как вам?

— Охренеть, — сказал Стругацкий. — Круглая тайна. То есть квадратная.

Тут он каким-то образом почувствовал, что капитан его прекрасно понял, и секундой позже капитан сказал:

— Ну, денег при... при нём не было. И буквами огненными на стене он не писал.

— А он один такой?

Капитан вздохнул, потёр лицо ладонями и сказал:

— Как же мне хочется вам всё рассказать, сил никаких нет.

— Как мне его вам отдать? — спросил Стругацкий. Действительно, как будто жёт ведь ладонь. Или это кажется, потому что капитан так сказал.

— Да очень просто. — Капитан потянулся через стол, забрал пальцами кубик и спрятал его обратно в кобуру. Следом сунул пистолет.

— Охренеть, — повторил Стругацкий.

— А хотите коньяку, Аркадий Натанович?

Стругацкий залпом допил боржом и стал изучать свою ладонь, соприкасающуюся с удивительным кубиком.

— Безопасно абсолютно, Аркадий Натанович, — повторил капитан. — Во всяком случае сейчас. Пока безопасно. То есть не было никаких случаев вреда. Если, конечно, на ногу не уронить. Когда он весит.

— А лично вы сами как думаете, что это за штука такая у вас, капитан? — спросил Стругацкий.

— Я лично думаю, что это что-то вроде вашей «чёрной брызги», только квадратной.

— Хэ! — сказал Стругацкий.

— Вы же спросили, что я лично.

— А почему вы его никому не показываете? Это вообще правда? Никому?

— Никому из тех, кому я подчиняюсь. У меня есть обоснованные сомнения в разумности этого.

— Какие?

Капитан пожал погонями.

— А учёным?

Тут капитан очень выразительно скривился.

— А я, значит, как автор похожей штуки, оказался достоин, аг-га... Староват я для таких экспериментов, капитан, — сказал Стругацкий. И тут же спросил: — А скажите, а что вы имеете в виду, говоря «пока безопасно» и про случаи вреда?

— Случаев вреда не было. Я имею в виду что у меня, чрезвычайно высокопоставленного работника строго секретной межведомственной службы КГБ и Армии под патронажем лично генерального секретаря ЦК Партии Советского Союза действительно есть серьёзные основания, — тут капитан перенабрал воздуха, — просить вас с братом создать «Меморандум Стругацких», основываясь на модели вашей Зоны Посещения из «Пикника». В реалиях СССР. Современного СССР. Все мыслимые аспекты соприкосновения такой Зоны с государственными, военными, научными и общественными организациями, и с простым населением. Вот такая вот петрушка требуется. И позарез. И срочно. С «комариными плешами», «жгучим пухом», с «ведьминым студнем» ...

— Особенно с «ведьминым студнем», — сказал Стругацкий утрированно понимая.

— Лично меня больше интересуют живые мертвецы, — возразил капитан.

Стругацкий крикнул.

— Капитан... Кирилл. Отчасти вы правы, я, конечно, да... то есть, вы меня впечатлили. (Слово «отчасти» Стругацкий произносил с ударением на «о».) Это у вас поразительный просто фокус!

— Это не фокус.

Зазвонил телефон.

— Да что ж такое сегодня! Видимо, вас, опять ваш врач, — сказал капитан с удивлением, досадой и озабоченностью одновременно.

— А почему вы уверены? — с одной лишь досадой спросил Стругацкий.

— А по этому телефону сюда никто никогда не звонит. Он вообще не должен звонить.

— Всё это очень странно, товарищ капитан! — заявил Стругацкий, вскочил, решительно проследовал длинными юными шагами к хозяйскому столу, выкопал в книгах телефон, снял трубку и рыкнул:

— Слушаю! Да! Дайте его сюда, а ну-ка! Юра! Слушай! Так! Это я. Садись в машину и езжай на работу. Меня отвезут. Всё нор-маль-но, я тебе говорю. Я тебе повторяю: а-ди-дас! Именно адидас, так! Больше не звони, тут коньяк разливают уже. До вечера, позвоню сразу же тебе. Девкам позвони, передай, что всё адидас. Отбой в танковых войсках! Over!

Он вернулся к столу, уселся поудобней и спросил раздражённо:

— Что у вас там за коньяк?

— «Адидас» — это условное слово? — спросил капитан весело.

— Именно. Всё, мол, окей. Дело не шьют, иголки в уголки глаз не вгоняют.

— А в какую бы вы фразу «адидас» вернули незаметно от меня?

— Так, дорогой вы мой, если всё нормально, зачем незаметно-то?

Капитан засмеялся.

— Но если бы было ненормально, что надо куда надо тоже вернул бы, будьте благонадежны, — продолжал Стругацкий, ухмыляясь в усы весьма самодовольно. — Уж поверьте старому опытному литератору.

— А какое слово тогда было бы?

— Так я вам и сказал.

Коньяк оказался внутри Луны: верхняя половина глобуса откидывалась. Стругацкий аж усы разгладил, оценив. Коньяк оказался ординарный, три звёздочки, никаких чудес. Рюмок не оказалось, капитан показал на бокалы, Стругацкий кивнул. Остановил он капитана, когда коньяка в бокале оказалось на два пальца и попросил «тархунчику, разбавить». Капитан сходил к холодильнику, принёс, натурально, бутылку «тархуна» и шоколадку «Алёнка». «Тархун» был вскрыт им также без применения подручных средств или поверхностей. «Вот это и впрямь здорово у вас получается, — сказал Стругацкий, старый капитан запаса. — У нас один майор глазом умел пиво открывать, тоже было дельно. Очень его уважали». — «Глазом сейчас многие наловчились». Стругацкий сам себе разбавил коньяк, отломил дольку от шоколадки. Чокнулись, и как-то без тоста выпили. В нервы ушло. Стругацкий достал высушенные (дома, на батарее) «столичные», предложил капитану, потом спохватился и спросил разрешения закурить. Капитан закурить разрешил, от сигареты отказался, он никогда не курил и начинать не видел причин. Возникла небольшая проблема с пепельницей, капитан разрешил и её, ловко свернув из обрывка подвернувшейся «Вечёрки» фунтик и намочив ему в «тархуне» ножку. Стругацкий спросил, артиллерист капитан или ракетчик (сам он склонялся ко второму). Капитан неожиданно ответил, что на петлицы можно не обращать, это камуфляж, а вообще-то он сапёр-пограничник, прямо с земли, разминирование, постановка, всякое. «Воевали?» — спросил Стругацкий. «На войне — нет, — ответил капитан, — но дважды ошибался». Стругацкий крякнул, зачиркал спичкой. Пока он курил, молчали.

— Чуть уши не опухли, — сказал Стругацкий, туша окурок в мокром. — Никак не бросить, хоть ты сдохни. Можно мне ещё раз посмотреть на этот кубик?

— Да пожалуйста.

Стругацкий понявчил кубик, дивясь и приноравливаясь, поучился его подвешивать в воздухе, посмотрел сквозь кубик на свет, решил его не нюхать, поскрёб его ногтем, вернул капитану. Капитан закрутил кубик в воздухе волчком, налил ещё коньяка, на три пальца, а кубик поймал и спрятал в кобуру, а кобуру — в портфель окончательно.

— Раньше я его в планшете таскал, — поведал он, — но было неудобно. Заказал вот кобуру. А в командировках — в портфель.

— Это осмий? — спросил Стругацкий и сам ответил: — Да какой там...

— Это вообще не металл. Он продувается насквозь.

— Серьёзно? Вот же, чертяка какой... — сказал Стругацкий, разбавляя. Пригубил. — Не расскажете, откуда он у вас?

Капитан поёрзал на стуле. Чертыхнулся.

— Да не имею я права... — сказал с досадой. Он рассказал бы Стругацкому всё, что знал, и откуда кубик, и почему он у него, капитана, и даже как они лупили с покойным шефом этот кубик кувалдой и что потом было — рассказал бы. И про лунные фотографии. И про спятившие «Москиты». Но с особенным желанием он рассказал бы брату Стругацкому про сусликов и про ефрейтора Хвостова.

Но.

— Угу... Ага... — сказал Стругацкий понимающе. — Интересно, — вдруг сказал он, — я подумал, а если его, чёрный кубик этот, подвесить над табуреткой крутящейся, знаете, как у пианистов, круглой, и начать поднимать сиденье, начнёт он... весить? И в какой момент... А в воде он тонет? — спросил он.

— Когда весит — тонет. Но воду не вытесняет. А когда невесомый... Тоже тонет, но по-другому.

Стругацкий покачал головой. Фыркнул. Подумал.

— Архимеду бы его, гада, подсунуть... — проговорил он мечтательно. — И вся наука к чертям свинячьим, а!

— А потом Ньютону. Вас бы ко мне в штат, Аркадий Натанович, — сказал капитан с приличной долей лъстливости.

— Хых! — сказал Стругацкий. — Ладно. Вот ещё спрошу вас... Могу ли я рассудить так. Что в настоящее время где-то в СССР существует... э... подобное нашей Зоне место?

— Нет. То есть не существует. Прямо сейчас — нет.

Слово «пока» он всё-таки не произнёс, вывернулся на интонации. Оставил за кадром, висеть в воздухе, как кубик. И — разлил по третьей, и они выпили. На Стругацкого неотвратимо наступала сонливость. Не болезненная, не от выпитого, а здоровая, хорошая сонливость, славная, сытая. Он давно отвык, даже и забыл про неё, замечательную, возникающую от насыщенного общения с серьёзным человеком. Информация имеет и вес, и калории, и поднимать её очень тяжело, и переваривать очень затратно, и организм советует, пресыщенный и довольный. А сегодняшняя, высококачественная и поразительная информация весит с коэффициентом... как этот кубик. Стругацкий зевнул, прикрывшись ладонью. Было так тихо тут, так хорошо. И стул удобный, и ничего не ноет, не болит. Почему ничего не болит?

— Инопланетяне, стало быть, существуют, Кирилл? — спросил он уже почти через силу. Прямо, значит, в лоб.

— Со всей ответственностью заявляю, что у меня нет достоверной информации об инопланетянах. У меня нет обломков летающих тарелок, трупов гуманоидов и киносъёмок марсианских треножников. То, что я вам показал, есть объект абсолютно неизвестного происхождения.

— Так. Объект. А какие-то влияния от него, ну, скажем, типа телепатического...

— Я не имею права ответить, — сразу же перебил его капитан. И тоже зевнул.

— Так, — сказал Стругацкий, ответный зевок давя с некоторой яростью. Всё-таки не дома. — А явления, — не объекты, значит, вроде вашего кубика, а — явления — имели всё-таки место где-то быть?

— Это государственная тайна, Аркадий Натанович. Серьёзно. Это только под расстрельную подписку. Но вы спрашивайте.

— Что ж, как Чернобыль, не дай бог?

— Не дай бог, — ответил капитан Кирилл.

— Это населённый район?

— Да, к сожалению.

— А эвакуировать его к чертям свинячьим начисто?

— Это невозможно. И это дико дорого. И это никак нельзя обосновать. Никому. Пока не рванёт. Или не лопнет. Я не знаю, что.

— А если этот кубик, значит, э?.. представить? — Стругацкий показал большим пальцем вверх.

— Будет ещё хуже. — Капитан опустил большой палец вниз. — И так, знаете ли... тяжело. Кому его предъявлять-то, змеиное молоко?! — сказал он истово. — Ну вы сами представьте! Министр обороны — и этот кубик...

— Отставить морочить мне голову... — сказал Стругацкий, покивав.

— Ещё хуже, Аркадий Натанович. Болтовня! И так уже чуть ли не качучу вашу пляшем, чтобы не уткло.

— Так. Понимаю... Понимаете, Кирилл, — сказал Стругацкий, доливая очередные два пальца коньяку тремя пальцами «тархуна». (В бутылке осталось на посошок, пожалуй.) — Задачку мне вы задали ого-го, в жизни таких, сами понимаете, у меня не было. Хотя... — Он что-то вспомнил, махнул рукой. — Ладно. Нас, конечно, и так особо одарённые читатели с Борисом Натановичем за пришельцев принимают. Но, похоже, к вам это не относится. — Тут капитан шумно вздохнул, возведя очи горе. — Полноте вам, полноте! — сказал Стругацкий сварливо. — Будем серьёзными, товарищ капитан Кирилл... Задачка интересная! Врать не буду, чувствую я себя сейчас прямо Горбовским, вставшим с одра. Это наш с Борькой, с Борисом Натановичем, герой такой. А вот наш Бромберг с его мероман... меморандумом... Наш-то Бромберг ведь помер от натуги, написавши этот ме-мо-рандум! Соображаете? Вот этого бы не хотелось мне. И с государством, опять же, связываться... Старенькие мы, дорогой вы мой Кирилл.

Капитан сглотнул с кончика языка «пр-роклятые годы» и сказал:

— Аркадий Натанович, я профессионально знаю и нашу фантастику, и мировую. Я знаю, кто такой Горбовский, и почему он встал с одра. Не надо объяснять про ваших героев. Изучение фантастики входит в мои служебные обязанности. Но...

— Так-так-так. Стоп! Вот за это надо выпить. За изучение фантастики в рамках служебных обязанностей, — сказал Стругацкий, развеселившись, как спичка вспыхнула. Они чокнулись и выпили. И на посошок ещё хватит. Полбанки на двоих держу нынче как старший лейтенант, мелькнуло в голове. Вообще ни в одном глазу. — О чём бишь я? Так. Ладно, государственная тайна, расстрел, это всё зола. Но вы хоть вообразите, с Борисом-то быть как! Тут нужна конкретика, понимаете?..

Вот тут капитан что-то хотел сказать, но остановил себя, и Стругацкий не заметил момента.

— ...Это же вы только представьте: вот так сесть, поехать в Ленинград и там убедить Борьку, что это я не свихнулся от пьянства на старости лет... Это, товарищ капитан, я вам доложу, похуже министра обороны — Борька... Ему кубик ваш показывать надо!.. Да! Отдельная это проблема — Борис Натанович. Имейте в виду — в Москву его пригласить очень сложно. Придётся врать, а я не люблю ему врать.

— Ленинград не проблема, Аркадий Натанович. В Ленинграде найдётся такая же вот комната. Только без... спиралей на стене, да глобуса там нет. Коньяк будет. Врать не придётся. Кубик покажу.

— А! Это дело другое... Тут-то его снова инфаркт и хватит, — заметил Стругацкий задумчиво, наблюдая за пополняющимся бокалом. — Он же не я, он же учёный, он же вцепится в ваш чёрный кубик... Как вы его называете?

— «Чёрный кубик».

— Аг-га... Да он просто его вам не отдаст обратно!.. — Они выпили. — И, главное, Кирилл, это ведь дело не дня, не месяца, — такое нам сотворить. Такой вот, как вы выразились, «Меморандум». Мы уже вялые, мы своё-то еле тянем. Я, во всяком случае.

— Если вы согласитесь, я хочу очень ясно это выразить, это официальная работа, и сумму определите вы. Я очень платёжеспособен. Я, мать его перемать, до сих пор привыкнуть не могу, насколько я платёжеспособен, — добавил он, глядя внутрь себя.

Впечатлившись, Стругацкий, тем не менее, отмахнулся.

— Погодите. Послушайте же. Вам вот что понять надо, Кирилл. Да! Вы вот меня поразили, даже увлекли. Но вот я сейчас домой пойду, лягу на свой диван... Уже завтра мне всё это покажется...

— Розыгрышем.

— Да не разыгрываем, конечно, не бывает таких розыгрышей, с натуральным генсеком в массовке... К чертям собачьим вы же мне всю мировую науку в голове перевернули своим кубиком... Воду он, видите ли, не вытесняет... Нет, не разыгрываем... но чем-то не очень серьёзным. Лично для меня! — добавил он поспешно. — Лично для меня... Чтобы мне всерьёз в это впрячься, так. Это же дело по гроб жизни. Старость херовая штука, Кирилл. — Стругацкий горестно покивал. — Не хочу я вам, действительно, трепачом показаться, хоть мы с вами и пять минут знакомы... Могут погибнуть люди? — спросил он.

И, задав этот вопрос, впервые на лице капитана Стругацкий увидел гримасу. Лицо у капитана вообще мало выражало эмоций, эмоции проскальзывали в интонациях, в действиях, как с этим кубиком, как он с ним играл, как о нём говорил, а лицо оставалось твёрдым, будто маска. Сейчас он словно удар пропустил, и дрогнуло лицо, что-то показало, выдало что-то запрещённое, что-то более настоящее, чем даже этот его фантастический кубик. Впрочем, капитан быстро справился. Он сам был из настоящих, и на своём месте.

— Я не знаю, Аркадий Натанович. Либо погибнут, либо не погибнут. Орёл-решка. Как в жизни.

— Там что же, прямо город?

— Да. Поблизости.

— И прямо в городе такие вот кубики?..

— Никак нет. Но один такой кубик берёт за... В общем, достаёт. Достаёт до города.

— Массаракш, — сказал Стругацкий сам для себя неожиданно, не рисуясь. — Но чем же вам поможет подобный наш... «Меморандум»?

— Польза инструкций, — ответил капитан.

— А! — сказал Стругацкий. — Чтобы, когда если что, никто не выдумывал, а сразу.

— Так точно. На основании вашей модели причина легендируется, составляются инструкции, закладываются в конверты, конверты — в сейфы...

— А! — повторил Стругацкий. И воцарилось молчание. Даже так: воцарилось и длилось минут пять очень насыщенное молчание. Его нарушил всё-таки капитан.

— Ещё выпьете? У меня есть.

— Нет, — сказал Стругацкий и прокашлялся. Он уже работал, он примерно представил уже, с чего там начать, да и припомнилось кое-что из обсуждений «Пикника» с Бобом, даже в черновик не попавшее, сигареты ещё у нас кончились, шли по обочине к ларьку станционному и придумывали наперебой... Ему потребовалось усилие, чтобы вернуться в кабинет капитана Кирилла, и ещё дополнительно помотать головой пришлось, отгоняя талант. — Мы, в общем, с Борисом в двадцатых числах так и так должны встречаться... В Репино.

— Вот как! — сказал капитан.

— По своей работе, — объяснил Стругацкий и попытал губами. Продолжения не последовало. — Ну что ж. А который сейчас может быть час?

— Половина четвёртого.

— Ох ты тох ты, — сказал Стругацкий. Капитан развёл руками. Стругацкий вдруг осознал, что давно понял, что у капитана нет на руках часов. Определяет время с большой точностью без часов. Где я это читал? Или я это опять писал?.. Может, он ещё и бессмертен заодно?

— Пора и честь знать, — сказал Стругацкий, отряхивая колени брюк⁷ от несуществующих пылинок. — Как вы полагаете, Кирилл? Закончим?

— Больше я всё равно вам сегодня ничего не скажу, я сказал всё, что мог, Аркадий Натанович. Что сейчас мог. Дадите согласие — обо многом ещё поговорим. Теперь дело за вами. Я могу только надеяться. Не приводом же вас мобилизовать.

⁷ Так в рукописи. — (Ред.)

— А вы вообще согласовывали наше участие... — Стругацкий кивнул в ту сторону, куда, по его мнению, ушёл Горбачёв, и одновременно опять указывая пальцем вверх, уточняя. — Или я это уже спрашивал?

— С генеральным — всё согласовывал, Аркадий Натанович. Путём уведомления. Запретить мне они что-то пытаются, но никогда не запрещают. Не могут. Некому, кроме Горбачёва. Так заведено. Дело за вами.

Стругацкий поднялся со стула.

— Надо мне дома подумать, пойду-ка я домой... — сказал он и замолк на полуслове. Напряжённо прислушиваясь к каким-то своим ощущениям и стараясь, чтобы на его лице ничего не отражалось, как на капитановом. Эти старания и проступили, что он тут же и сообразил, коротко взглянул на капитана, понявшего это, и, фыркнув в усы, объяснил недовольным, вынужденным тоном:

— Странно я себя чувствую как-то, вот что. Поддатый молодой Стругацкий по снежной праздничной Москве. Шагал весёлый, как на б****и... Очень странно, Кирилл. И Горбачёв за вас просил... Так. Вы что же, действительно меня отвезёте домой? Уж вывести на улицу меня точно надо: не найду я дороги в этих революционных казематах.

Капитан поднялся тоже.

— Я благодарю вас за потраченное время, Аркадий Натанович, очень надеюсь, что к предложению о сотрудничестве вы и ваш брат отнесётесь серьёзно, — сказал он торжественно. — Я отвезу вас домой, разумеется. И позже свяжусь с вами по домашнему телефону. Назовусь Адидасом. — Стругацкий фыркнул и махнул рукой — с удовольствием, впрочем. — Кириллом, конечно. И, в зависимости от принятого вами решения, мы с вами обсудим, как и что вы расскажете Борису Натановичу. Или не расскажете. И присутствовать ли мне при этом. Хорошо? Это не приказ, это пожелание. Хорошо?

Стругацкий кивнул.

— Через неделю позвонить будет нормально? — уточнил капитан.

Стругацкий кивнул.

— Через неделю — нормально. Главное — что б не прямо завтра. Ну, что, товарищ капитан Кирилл? Поехали?

— Не забудьте трость, — сказал капитан. (Стругацкий завертел головой и хлопнул себя по бокам.) — Она — вон, у стола. Да, вот ещё! — спохватился капитан. — У меня к вам просьба. — Стругацкий, уже стоя с тростью, поднял брови вопросительно. Таки автограф. Так всегда. Но — заслужил, заслужил капитан Кирилл. С личным посвящением. «Удивившему меня Кириллу» напишу. — Образец вашего ДНК, Аркадий Натанович.

— Че... Чего вы сказали?! — спросил Стругацкий с выражением.

— «Дезоксирибонуклеиновая» я сейчас не выговорю, не пытайте. ДНК. Да всё просто, никаких уколов, ватка на спичке, и потереть небо изнутри. И ватку в пробирку. И в холодильник. Очень вас прошу.

— Вы опять не шутите, что ли? Ну совсем, Кирилл Батькович, чушь какая-то, воля ваша!

— Никак нет, Аркадий Натанович, — проговорил капитан серьёзно и тщательно. — Ей-богу, не чушь. Очень прошу.

Да. Всё это как-то, чёрт его знает, как, но очень хорошо друг к другу подходит. Очень всё внушительно, и сложно и просто одновременно, чёрт побери. Архинепонятно, но страшно реалистично. Как по-настоящему. Протестовать? Потребовать адвоката? Перекреститься, и инопланетный капитан провалится сквозь этот, им же самим мытый, паркет? А капитан уже протягивал ватку на палочке, взявшуюся у него, как у Арутюна Акопяна, откуда-то. Проще было подчиниться. Проще — или дешевле? Стругацкий повозил этим прибором во рту под усами и бросил его ваткой вниз в подставленную пробирку. Пробирку капитан и в самом деле заткнул пробкой и отнёс в холодильник. Чёрт знает что. Просто чёрт знает, что! Неужели всё

это правда? И что это за правда? И если это правда — мне она зачем? Плохо без неё мне было? Сказали же ясно — через сто лет на северном полюсе планеты Плутон. Что было непонятно? Учишь их, учишь...

Так. Стоп.

— Спасибо, Аркадий Натанович, — сказал капитан, стоя перед ним, как Волк перед Марьей-Царевной, уже со своим портфелем в руке. Он всегда очень бережно относился к своему... Тьфу! Что?

— Что? — переспросил он.

— Номер телефона, по которому вы в любой момент можете передать для меня сообщение. Или — на любой крайний случай. На самый любой, Аркадий Натанович. Представьтесь, и скажите, что вам нужно. А не позвоните — значит, не позвоните.

Бумажку квадратиком визитную карточку ему капитан протягивал. Стругацкий, не колеблясь, молча взял визитку и спрятал в нагрудный карман, к авторучке.

— Спасибо, — повторил капитан.

— Не за что, — сказал Стругацкий, отдуваясь. — Пойдёмте уже, Кирилл. Задали вы мне жару. Лучше бы уж вербовали.

И они пошли.

Дальше всё двигалось очень быстро и легко. Капитан помог Стругацкому одеться в прихожей, запер свою таинственную лунно-библиотечную комнату, ладком-рядком вышли в коридор. В коридоре вместе расписались в журнале у подполковника. И «приглашение» пришлось тут же оставить. Никаких доказательств, словом. Капитан приказал подполковнику водителя к машине, развеяв возникшие в прихожей опасения Стругацкого, что капитан под градусом повезёт его, последнюю надежду человечества перед лицом инопланетного вторжения, сам, поддатый. Хотя и нормально так капитан держит без закуси, явно что — и голова здоровая, и опыт большой. После тамбура свернули не направо, не на лестницу, а в другую дверь, за которой оказался небольшой пустой холл, а в холле оказался лифт, провались они все, анацефалы. Заводился этот лифт особым ключом, каковой нашёлся у капитана на здоровенной связке, где Стругацкий заметил ещё и несколько кругленьких оловянных печатей, вызвавших у него в памяти полтора десятка воспоминаний разом. Ехали всего три этажа, а кнопок всего было шесть. Строят, понимаешь. Маленький подъезд без никакой охраны. Двустворчатая дверь на улицу. И всё?! Шум Москвы из-за бетонного, в два стругацких роста, забора — как будто радио включили на полную. Дочерна чистый дворик, свежий асфальт. Стругацкий легко вдохнул два литра свежайшего морозцу. Стоянка под забором. Несколько автомобилей. Чёрная «Волга» плюс несколько разноцветных «жигулей», явно личных.

Капитан (не накинувший даже шинели на рубашку) указал на «Волгу». Малый в штатской курточке возник рядом с машиной, встал «смирно», молвил: «Коростылёв», и сразу ступеялся. Сели на заднее сиденье, Стругацкий справа, капитан слева, поехали. Портфель с пистолетом и «чёрным кубиком» внутри капитан поставил между ними. Обогнули это здание, потом второе, потом арка в следующем здании, вторая арка, везде милиция в квадратных «станках», шлагбаумы бесконечные, но нигде не остановили, все честь отдают ещё издали, поворот, снова поворот. Стругацкий прикрыл глаза. ЦК действительно занимал целый квартал, но не в этом было дело. Стругацкий поразительно хорошо себя чувствовал, и ему сильнее, чем иногда хочется почесаться, хотелось всё время щупать как будто отсутствующие у него колени. Но он почему-то сдерживался до самого дома, словно чем-то от капитана этого, казалось бы — щенка, заразившись... чем-то величественным, и человеческие, естественные побуждения теперь не подобиали... По пути не разговаривали, совсем. Малый в штатском вёл машину великолепно, это сразу чувствуется задницей и спиной, когда тебя везёт классный шофёр, знающий дорогу к цели. Доехали, показалось, мгновенно, хотя движение сегодня было хорошее, предпраздничное. Улицы были красным-красны от кумача, милиция поголовно была в белых

португелях. Свернули с Вернадского, свернули во двор и сразу же встали у подъезда. «Жигули» Юры Чернякова, разумеется, уже были тут, двумя колёсами на бордюре.

Когда Стругацкий, коротко попрощавшись, вышел, стучаясь тростью, капитан вдруг окликнул его и, выступив одной ногой из кабины, поверх крыши её, сказал:

— Аркадий Натанович, личный вопрос позвольте. Читательский.

Остановившись вполоборота, Стругацкий согласно-поощряюще мымыкнул.

— У вас, помните, такой Гнойный Прыщ в «Хромой судьбе»? — спросил капитан, действительно, голосом обычного книголюба. Стругацкий хорошо знал эту интонацию. Потом он всё-таки попросит автограф, конечно. Или это — «запоминается последняя фраза»? Ладно, это я завтра обо всём подумаю... Ох, лет бы сорок мне сейчас!.. Тогда бы я быстро разобрался, так или иначе... Но почему не болят ноги? Надо выпить или не надо? Надо. И оно есть.

— Да-да, помню, конечно, — сказал он параллельно мыслям. — Гнойный Прыщ, персонаж у нас такой.

— Кто это на самом деле? — просительно спросил капитан.

А вот это было отработано заранее, ещё когда писалось. Стругацкий хохотнул и, оглядевшись по сторонам, чуть наклонившись к капитану, глухим голосом сказал:

— «Ни один из персонажей этого романа не существует в действительности. Поэтому попытки угадать, кто здесь кто, не имеют смысла. Все упомянутые учреждения, организации и заведения есть плод авторского вымысла». Так-то! До свиданья, товарищ капитан Кирилл!

И пошёл, трость держа под мышкой, вышагивая, как цапля. Он был грузен, но ноги у него были тонкие, длинные, циркульные. Очень высокий грузный пожилой человек в дурацких ботах на молниях, мешковатых коротковатых брюках, старой куртке и собачьей шапке. Поднялся по ступенькам знакомого всей стране по популярному кинофильму подъезда и скрылся в нём. В подъезде.

Капитан потряс головой, сел в машину, захлопнул дверцу, перевёл дух и только тут вспомнил про автограф. Он же специально приготовил коллекционной сохранности экземпляр «Стажёров» для автографа, из Капустина специально вёз и на стол специально выложил. Рас-тыпа...

— Обратно, — сказал он Коростелёву. Тот тронул. Стоп, подумал капитан, погоди ты с автографом. Телефон.

— Олег, как вернёмся, сразу же проверь контору на прослушку, — сказал он. — По полной программе. Сегодня почему-то ко мне дважды звонили.

Коростелёв удивился и кивнул. Выехали на Вернадского, Коростелёв надал. И только тут капитан сообразил, что автограф-то у него есть. Такой автограф, какого ни у кого в целом мире нет. И никогда не будет.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НЕДЕЛЕЙ РАНЕЕ. 1987, 30-31 ОКТЯБРЯ

Архив Шугицуйца (Книга Беды)

Файл «Негуляев_2001_о мертвеце»

Отрывок собственной расшифровки, стр. 1-3⁸

(С Дмитрием Негуляевым, известным трекером и военспецом, с рейтингом на сегодняшний день «арнольд», мы встречаемся второго мая две тысячи первого года у него дома, Арка-

^{8 ?} Орфографические ошибки исправлены. Отсутствующие в фонограмме (Так в рукописи. — (прим. ред.)) слова собеседников взяты в квадратные скобки. В остальном текст без изменений. — (С.Ж.)

нарская, 2, квартира шесть, первый этаж направо. Он пригласил меня к себе по причинам, о которых я не спросил, после того как я попросил встретиться для интервью в «Чипке».

Негуляев человек уважаемый, у него нет даже клички. Но, с тех пор как я его впервые увидел несколько лет назад в «Двух Трубах» он сильно обрюзг и начал курить. Не знаю, выходит ли он в Зону сейчас и почему, на лимите он или свободен. Но о таком спрашивать между собой у нас, бедован, не принято.

В этом файле «о мертвеце» я отделил часть беседы с ним про самое первое его столкновение с Зоной. Это важное свидетельство, я его не ожидал, и теперь буду над ним думать, разрабатывать ещё и эту тему. Тему о том, что всё началось намного раньше Зарницы, и многого, говоря серьёзно и без обиняков, можно было бы, видимо, избежать. И не было ли здесь попустительства, когда в очередной раз за секретностью пренебрегли людскими судьбами. Как мне сейчас кажется, да, было. Итак, расшифровываю):

— Здравствуйте, Дмитрий Алексеевич.

— Просто Дмитрий. И на «ты».

— Во-первых, чтобы снять первый вопрос...

— ****, *****, да ***** ** *****. Да, да, правда. И про свинью правда, и про казаха электроустойчивого, и про двустволку. Я бухой был, вдрызг. Всё правда. И она за мной охотится, свинья эта с тех пор, хватает трекеров и обещает пощадить, если меня выдадут. А потом **** и съедает... Потому что она злая очень. То есть не она, а он. Это хряк был, кобелина мне по пояс. Удовлетворил? Всё, проехали.

— Спасибо. Итак, Дмитрий. Как раз вчера я встречался с Вадимом, Фенимором, и он рассказал мне, что вы вместе служили на полигоне, ещё до Зарницы.

— Значит, так точно, в одной части. Площадка «девяносто один», учебный центр. Но только он срочник. А я офицер.

— То есть вы его и не помните из тех времён?

— Наоборот, помню прекрасно. Он был фотографом в клубе, но не это главное. Его практически все офицеры знали. Он же стрелял замечательно. Его заметили прямо в карантине. Исключительно стрелял. Привели карантин на стрельбище, и он из автомата розжок в десятку сложил, в кучку. Ещё розжок — та же история. Из «калашиникова» битого-перебитого, представляешь! Ответственный ему говорит: «Ещё одним розжком попадёшь так же, сам выберешь, в какое подразделение идти, промажешь — морду набью за подтёбку!» И пошла потом молва, начальник карантина сразу же всем расхвастался, естественно, какой к нам попал Верная Рука — друг инчучунов. И, естественно, начались всякие пари на него. Едут куда-нибудь по службе товарищи офицеры, и он при них, как бы ординарец, фотограф. Подпили — на спор с чужими, мол, да у меня солдат стреляет, как у тебя полковник! Тогда было очень модно пари заключать на спиртное. По любому поводу бились. На полигоне же сухой закон стоял такой, что зубы ломило. А в Волжский за спиртным ехать — долой, получается, законный выходной, да и на КПП на въезде шмонают всех, чином до подполковника. Да и не всегда купишь... Очень было жёстко с Указом. Патрули по офицерским общежитиям ходили, что ты. И серьёзно, что там пива, кефира было не купить на Десятке! На той ещё Десятке, в Капустине, я имею в виду. Вот и забивались, кто на что горазд. Фенимора, то есть Вадима, куда только не возили стрелять на спор. Он ведь и правда феномен какой-то. Из «макарыча» — тридцать — с трёх — с двадцати метров... Пулька в пульку! Из незнакомого пистолета. Фантастика, хороший, плохой, злой. И никогда не пристреливался. Что ему давали, из того и палил, сразу, набело. Это я сам видел, своими глазами. Удивительно. Пацан, гусила ведь очевидный, ещё домашние пирожки не вы****, первый раз оружие взял в руки... и сразу снайпер. Вообще не целился, сразу стрелял! А пистолет правильно поначалу и разобрать не мог... Ну и отношение к нему соответствующее сложилось, да. Некоторые офицеры третировать пытались поначалу, но свои же наши поставили на место. Талант

есть талант. Он-то снайпер, а ты, товарищ полковник, тапёр, и лакаешь сейчас за счёт его таланта... Не знаю, почему сейчас за Фенимором такого понта нет, как меткого стрелка, я имею в виду.

— Интересно, действительно. И вообще интересно, я не знал.

— А откуда бы? Понта сейчас нет, о старом враги не расскажут, друзья тем более, и сам он не расскажет, а [я — тебе рассказал, как писателю.] И ты не трепись. И с тобой будут разговаривать. Вот как я говорю. У нас в Предзоне это главное.

— Что главное, простите?

— Не пи****, и не пи**** будешь.

— [Я понял...] То есть, фотографом его поставили из-за таланта к стрельбе?

— Значит, так точно, и это повлияло наверняка. И он же у начальника карантина-то выиграл. Да и то сказать: что ж его, в ротах, в батареях мурыжить, когда он столько навыйгрывал для кого ни возьми? И особый отдел его куда-то возил, и начштаба, и начпо⁹, а уж начальник тыла... И вот он нормально так прожил почти весь срок службы в части. И если он, я имею в виду Вадима, и не умел фотографировать сначала, то наловчился славно. Я был командир пусковой, и его со мной разок послали на стрельбы, фотографировал он расчёт, меня, технику. Служебные фотографии. Отлично у него вышло, это я помню. Жена в альбом клеивала, и в «Красную Звезду» одна его моя фотка попала.

— А свинья...

— Сейчас на *** пойдёшь. Да, тогда это и было. Проехали, сказал!

— Интересно.

— Интересно ему... До «всадника без головы» он на «девяносто первой» прослужил, да. А потом его куда-то откомандировали очень резко. Я не спрашивал. Да и не думал о нём большие, в общем. В общем, был он солдатом точно такой же, как сейчас, человек. «Пох***т» по армейской классификации видов. А-а-а, так ты о конкретно о Фениморе хотел поговорить со мной? Это не очень будет правильно. С ним и говори. Разболтался я.

— Откровенно говоря, я о другом хотел, про Дуновение я хотел, а про Фенимора я для завязки нашего разговора начал, но сейчас я уточнить хочу: до «всадника без головы», вы сказали?

— Так точно, была история. Тогда это жутью какой-то казалось необъяснимой. И одинаково солдатской страшилкой. Ну и визиты разные, последовавшие, всё это дело сильно подогрели.

— Вы сказали «визиты»?

— Да ёлкин же кот, писатель. Чего ты как в кино, как же ты зае****, в Светлану Сорокину играешь, что ли, на канале ТВС? Оставь ты свои интеллигентские замашки. Ни слова, б****, в простоте. Так я и сказал, так точно, так и запиши. По-французски... Язов буквально на следующий день нагрянул, собственной персоной и почти без свиты. И без сопровождения гарнизонного. Знаешь, кто такой Язов? «Простите меня, старого дурака»? Вот он и нагрянул. Все так оху****, что про мертвецкие страилки забыли вмиг. Деталей, на самом деле, я не знаю. Он час пробыл в штабе, наорался на командира, как говорили, и убыл, как не было его. Но это было точно на следующий же день, завтра. Никто не понял ничего, но стало как-то спокойней на душе. И солдаты успокоились постепенно. «Начальство знает, начальству видней».

— А подробней-то можно, Дмитрий? Что за «всадник без головы»?

— Хрен его знает, Сёма. Тогда, до Беды, я думал, солдатня себя накрутила и с ума сошла, такое, вроде бы, случается. Я помню, на собрании офицерском доктор Вяткин даже лекцию читал о коллективных психозах в закрытых коллективах.

⁹ Начальник политотдела. — (С.Ж.)

— Вяткин?

— Ну да, он в Беженске потом ещё работал. Ты не знаешь, где он сейчас?

— Нет... И это тот самый Вяткин?

— Значит, так точно, тот самый. Ты очень въедливый, товарищ писатель, хуже меня.

Могу я продолжать?

— Это моя работа — переспрашивать.

— Да не вопрос. Бесит просто. Тогда я думал, что да, массовый психоз. Все думали. Удвоить дозу брома в компот, и все дела. А теперь я думаю, конечно, что это какие-то первые звоночки от Матушки были. Ну что-то вроде прототипов наших реальных зонбей. Так что, *** его знает, когда и почему это всё началось на самом деле... Что ж ты так карандаш жрёшь, смотреть же страшно, Семён!

— Это какой же был год?

— Это ноябрь восемьдесят седьмого года. Самое начало, до праздника дело было. Мерзкая погода стояла, безумный гололёд, вся степь — как стекло, дождь и мороз одновременно. Всем запомнилось. Сутки дороги чистили. Народу поломалось ужас, жена начальника Дома офицеров позвоночник сломала прямо у своего подъезда.

А Язов на вертолёт прилетал, болезный. Песок перед ним, как розы перед Эдди Мерфи, сыпал один майор.

— Тысяча девятьсот восемьдесят седьмой?

— Значит, так точно. Рановато пока для двухтысяча-то восемьдесят седьмого.

— За три года до Зарницы?

(Негуляев кивает, внимательно глядя мне в глаза. Курит он беспрерывно. У него, как я замечаю, небольшой, но беспрерывный тремор отёкших пальцев. На кухне его квартиры, где мы беседуем, чисто, в горшках растут кактусы, над столиком висит плакат с актёром Лундгреном, на которого раньше по общему мнению, и я его подтверждаю, Негуляев был очень похож внешне, и сложением тоже. Мы пьём чай. Я не вижу ни одной бутылки. Лицо у него сероватое, нездоровое. Не постаревшее, а болезнь.)

— А газовый метеорит?

— А кто у нас тут в Беженске верит в газовый метеорит?

— Ну, я многих знаю.

— Ну, мне тебя, вроде, серьёзные люди рекомендовали. Пишешь, мол, настоящую книгу о Бедо-Матушке, для будущих поколений. [Давили на тебя, ты, вроде, не давишься. С радиостанцией какое ты дело два раза провернул, всё общество аплодирует.] Так и разговаривать давай серьёзно. Никто никогда из бедован в эту хрень не верил. Как это у Братьев? «Ежу понятно». Инопланетяне это, Посещение это. И не выкай ты, не на допросе. Сбиваешь меня. Ты не засланный ли магацитлик к нам вообще?

— Нет. Хорошо. Но я хочу уяснить, Дмитрий. То есть, вы, ещё в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году, в ноябре-месяце, — видели... [недалеко от Эпицентра-2, как я сообщаю!]

— Да, недалеко, кстати. Не выкай.

— Уже тогда видели] настоящего зонби?

— Значит, никак нет. Своими глазами я не видел. В событиях не участвовал, был выходной, а я в наряде не был. Сидели у кореша, капитана Маладзе с «Четвёрки» на квартире его и самогонку гнали — из змеевика по стаканам. Но по рассказам, по общему психологическому состоянию людей, по серьёзности последствий — ничего другого представить нельзя. Было, было там что-то... Стрельба была реальная, во-первых, и трупы же были. Я же не из-за гололёда запомнил. Приятель мой, помдежем заступил, умер тогда от разрыва сердца. Это факт конкретный. И один солдат убился, убежал он от чего-то и с высоты упал, и ещё один, то ли чеченец, то ли ингуш, — тот с ума сошёл. И всё это в течение часа, как потом

высчитали. А когда всё уже кончилось, была весьма серьёзная ротация солдатни, вплоть до обмена с ВМФ, пригнали целую роту бывших мореманов на замену, в сапоги переобули, а наших угнали... И что в часть специально завезли спиртное, выдавали солдатам вино недели две на обедах по сто грамм — факт. С этим вином там такое было, что ты! Под охраной доставляли, зам командира лично на раздаче следил! А нам, немцам, талоны на водку в военторге отоваривали специальные. Это было дело, я тебе скажу.

— Немцам?

— Ай, да жаргон. Солдатня офицеров так на полигоне называла. Немцы.

— Почему?

— Потому что фашисты. Ты слушать будешь или нет?

— Я, Дмитрий, совсем уже ничего не улавливаю. Прости, что перебил. Один умер, второй убится, пригнали моряков...

— Я стараюсь как бы связать всё сейчас в голове, как бы рассказ выстраиваю для тебя. С чего начать, чтобы ты ничего не додумывал. Тут ведь не доклад о проделанной работе, тут то, что я лично знаю, нужно с тем, что мне рассказывали, скрестить, да ещё и додумать...

— То есть вы раньше никому ничего этого не рассказывали? Про живого мертвеца?

— С нас со всех... Подчёркиваю: со всех служивших в тот момент в нашей части специальные люди взяли подписку о неразглашении. И с солдат, и с офицеров, и с командира. Причём такую подписку, какую мы никогда до тех пор не видали. Как во время военного времени. Пожизненную. А мы, ракетчики, поверь, товарищ писатель, подписок повидали разных.

— А уже потом, после Беды, не рассказывали? Почему?

— Ты который тут год, Семён? А людей знаешь плохо. Нет тут трепачей. Они все умерли, в первый же год.

[— Понимаю. Итак?]

— Значит, итак. Был гололёд. Как стекло. Осень вообще тёплая была, очень, снега ещё даже не выпадало. В пятницу наряд заступил, и помдежем¹⁰ пошёл мой приятель Илюха Паланкин, старший лейтенант. До капитана ему может быть месяц оставался по выслуге. Ему, кстати, и присвоили капитана посмертно, начпо постарался. Полковник Смертин, золотой мужик абсолютно был.

— Прости, Дмитрий, ради бога. Сразу спрошу, пока в голову пришло. Как старожила, настоящего. Вот это, то, что ты мне сейчас расскажешь, про «всадника без головы», — это единственное, что ты мог бы интерпретировать, как некий, как ты говоришь, «звоночек» от будущей Зоны?

— [Хм. А ты вёдливый.] Значит, не знаю, не задумывался. Такого, то есть подобного — ничего навскидку. Был скандал с продскладом, когда всё за ночь сгнило. Но скорей всего там что-то куски¹¹ нахимичили. Потом один раз солдаты напились антифризу, поумирали. Интересно это?

— Нет, это не интересно.

— Ну тогда слушай про интересное. Короче, пятница-суббота, ноябрь. И врезала непогода. Гололёд, ледяной дождь, мороз... А, вот что вспомнил: потом, в эту субботу, но вечером, — солдатам в клубе показали «Всадника без головы» как специально, на этом очень доктор Вяткин потом упор делал, пока его не забрали от нас тоже. Говорил, что события наложились, а психоз заразен, как грипп, понимаешь ты. Кстати, знаешь, как у нас звали доктора Вяткина?

— Нет, не знаю, а как?

— А догадайся-ка, писатель!

¹⁰ Помощник дежурного по части. — (С.Ж.)

¹¹ Прапорщики, то есть. Наши советские прапорщики. — (С.Ж.)

ГЛАВА 1

31 октября в пятом часу утра гусь рядовой Заур Аткалаев, мочивший свою третью смену своего второго за службу караула на угловой вышке второго поста, братский пацан, короче, из первой батареи, земляк, короче, молодой, но не гусила, конечно, не скажи так, стойкий такой, морально сильный, короче, парень, заметил постороннее движение в дождливой ледяной темноте за контрольно-следовой полосой.

Это был нарушитель.

Заур Аткалаев мгновенно очнулся от сумрачно-реактивного состояния советского часового в начале смены под ледяным дождём ноябрьской ночью. Мгновенно разгорячившись, он сбросил с шапки капюшон плащ-палатки, расправив под шинелью и плащом плечи, выпростал моментально из-под плаща автомат, вдохнул полной широкой грудью влажный мороз, чтобы крикнуть наконец-то заветное: «Э-эбля, кто идёт, стой, эй!». Он давно дал себе слово, ещё в прошлом, первом, карауле, что обязательно поймает п***й какого немца-проверяющего, хоть командира части, или хоть даже подполковника Симакова, без разницы, короче, любого, подкрадывавшегося выпепить нарушение обязанностей часового и снять с караула, навеки, до дембеля посадив на ремень, поймает и повозит его мордой по земле, поигрывая над ним взведённым автоматом. (Сегодня, между прочим, дежурным по части как раз был майор Кошатин, известный любитель подкрасться к спящему часовому¹², украсть магазин и засадить на губу.) Короче, Заур Аткалаев вдохнул нормально так воздуха и, короче, открыл рот кричать. Но во время этого вдоха Заур Аткалаев разглядел диверсанта и понял мгновеннейше, что это не проверяющий, не шпион, не человек, а шайтан, по-русски дьявол из фильма про всадника без головы. Что ему, Зауру Аткалаеву, одинокому в ночи, в бабушкиной ночи, внутри которой силы зла кишат кишмя и властвуют безраздельно, явился шайтан. А шайтан никогда не является без причины. И не уходит без съеденной души.

Прожектор жёг тьму, зрение у Заура было отменное, заступил на вышку он всего полчаса назад, ему было холодно, но он ещё не окоченел, служба его зае***а, разумеется, как всякого срочника, но он ещё не устал от неё и не собирался, он был цивилизованный человек, окончил школу на четвёрки, был активным комсомольцем, точно знал, что ему нужно поступить в партию к дембелю хотя бы кандидатом, готов был на многое ради этого, и дембельнуться обязательно старшим сержантом минимум, как старший брат, короче. И к брату в милицию.

Словом, он был нормальный такой парень, знающий, десять классов, современный, в семье был видеоманитофон и тринадцать кассет, и политику партии понимал, и службу чувствовал со всеми её приличиями и обстоятельствами (недавно в кухонном наряде, где из двенадцати человек было девять дембелей, он второй зал сам накрыл, никто его не припрягал, но он, короче, увидел, что пацанам трудно вдвоём целую «кухню» мочить, такой был парень) — но бабушке с её жестокими вечерними сказками он верил больше, и эта вера совпадала с «Зловещими мертвецами» на кассете. В цепочке рефлексов «увидел — подумал — понял, что видит» понятия «подумал» у него не было, и никогда не было, и сейчас конкретно тем более,

¹² И не только к часовому, впрочем. Например, Кошатин обожал снимать с наряда дневальных по роте, отлучившихся с тумбочки по любому поводу или даже просто не стоящих при ней по стойке «смирно». Для этого он использовал своё феноменальное умение подкрадываться и тонкое искусство пластуна. Однажды летом он подкрался так к оркестру: на карачках (я, Энтё, не шучу) прополз под окнами, гусиным шагом проник в тамбур между улицей и расположением, лёг (я не шучу) на бетонный пол у двери и начал приоткрывать её, чтобы заглянуть в щель и уличить всех. И лежащий в пяти сантиметрах от него по ту сторону двери дежурный по оркестру Олежек Зафт, саксофонист, истово застёгнутый на крючок, с пилоткой строго по переносице, отглаженный, набритый, уставной до всех делов, отдавши честь, страстно прошептал Кошатину прямо в жадно разинутый глаз: «Товарищ майор! За время несения дежурства происшествий не случилось!» Так что никто бы не удивился, кабы из залитой мокрым ледяным стеклом степи вместо мертвеца на второй пост напал бы майор Кошатин. Ибо был майор ого-го майор, Кошатин-то. — (Прим. автора.)

и, поэтому, далее, увидев настоящего шайтана из бабушкиных сказок и американского кино Заур не испугался, — он состарился. Потерял яхь, честь, лицо, короче. Все потом говорили, что он разум потерял, спятил, с ума сошёл. Для родителей так говорили, короче.

...Всё было так отчётливо видно сверху, с вышки, в лежащем набок конусе белого света прожектора, развёрнутого по-над контрольно-следовой полосой на угол рва, полосе предстоящего. Дождь казался прозрачным на фоне стеклянной прозрачности ледяной корки, покрывшей за каких-то три часа и степь, и каждый её бугорок, и каждый сухой скелетик полыни, и забор, и колючую проволоку на заборе, каждую скобочку и каждую колючку, и рядовой Заур Аткалаев, обладавший орлиным зрением, разглядел человека без головы во всех подробностях, как только тот выбрался на четвереньках, толкая раной вперёд голову перед собой, из тьмы на вал рва¹³, отделявшего степь от охраняемой территории. Да там и было-то чуть больше десяти метров.

...На верхушке вала человек без головы задерживаться не стал. Он толкнул голову, она покатилась, и, съехав по льду на животе вслед за головой и подобравши её в луже, безголовый, мёртво распрямившись, ступил на КСП и заковылял по ней к забору. Вот эти шесть-десять метров «контрольки» оказались дорогой длинной и тяжёлой. Человек без головы трижды упал, дважды он терял направление, терял и время, на шаривая в оледеневших бороздах укатившуюся во время третьего падения голову. Минуты две шёл шесть метров, короче, гололёд был страшный. Наблюдать за мучениями шайтана было чрезвычайно тягостно, хотелось помочь. Он двигался вслепую, левым боком вперёд, ощупывая землю перед собой ногой. На ноге сохранились остатки носка. На правой сохранился сапог. Потлевшие, расползшиеся по швам бриджи пэ-ша¹⁴ и пёстрый серый прелый вшивник без ворота с короткими рукавами, надетый на белосизый торс мертвеца, впитали в себя годы подземной грязи, и дождь со льдом — шёл дождь со льдом — не успел ещё и пяди отмыть проглиненной насквозь ткани. Свою голову человек без головы держал кверху обрубком шеи, обеими руками прижимая её к животу лицом. Из гнилого месива над плечами торчал верх позвонка, ослепительно белый, сверкающий ярче, чем сверкали в луче прожектора мокро остеклённая земля, по которой человек без головы шёл, мокрый ледяной забор, к которому он шёл, мокрая ледяная колючая проволока поверх забора, ожидавшая его, острые, как трассеры, струи дождя из тьмы сверху. Всё было видно чрезвычайно отчётливо. Как на сцене. Видно было, как капли выбивают брызги из каких-то углублений в ране вокруг позвонка.

Всё видел Заур Аткалаев. И он стал старый, вялый и больной, беспомощный и как побитый, но он всё видел и видел шайтана, всё видел и видел и видел, и не мог не видеть его, и он состарился, короче, не как хороший, уважаемый старик, а как плохой старик, русский, слабый. Старик без лица, старик без потомков. Никто не заплачет, никто не придёт на соболезнование.

Нет сильных, в одиночку стоящих перед шайтаном. Только праведники в одиночку сильны перед шайтаном.

Заур Аткалаев не был праведником, и он был один. Со второй вышки, на которой стоял дембель пид*****с Симаев, известный шестёрка подполковника Симакова, шайтана видно не было, она (вышка) была в двухстах метрах через территорию склада вооружений наискосок... Да п****й на Симаева, короче. Кровь в Зауре Аткалаеве так сразу остыла, как на уютг приснули изо рта. А когда остывает кровь в человеке? Ц, не знаешь. Когда человек стареет кровь

¹³ Чубаров, Шитаев и Мережко закопали труп Хвостова буквально в тридцати метрах от части, в старом обвалившемся окопе, прямо напротив склада вооружений. Голову отсёк Шитаев, как он утверждал на первых допросах — случайно, когда закапывали, а «умер он сам, упал неудачно». Потом всё, конечно, устроилось, и Шитаев признался, что удар лопатой был именно добивающий, и от бани, где произошло убийство, тело и голову тащили уже по отдельности. — (С.Ж., по материалам «Архива Шугпшуйца».)

¹⁴ ПШ, «пэ-ша», обычная солдатская форма, но полушерстяная. Дефицит, предмет спекуляций и поощрений. Довольно неприятная при носке на голое тело штука. «Стекляшка», впрочем, ещё гаже. — (С.Ж.)

остывает у него. А когда он умирает, она тогда остыла уже, понял, короче? С каждым шагом шайтана Заур старел. Один шаг шайтана босой ногой — десять лет проходило в душе Заура. Шайтан приставлял ногу в сапоге — ещё десять лет, короче. Не испугался он, а состарился. Потерял хяь, уронил лицо, короче, честь потерял, ещё раз вам говорю. Стал отражением шайтана, сам стал шайтан, понялэ-э?

Шайтаны идут на запах труса, на запах шлюхи и на запах маленького ребёнка. Заур Аткалаев знал, что шайтан идёт прямо к нему, но не понимал, идёт к нему как к трусу, как к ребёнку или как к шлюхе. И было неважно, что между шайтаном и ним забор с колючей проволокой, а он, Заур, ещё и на вышке стоит, и автомат у него, и плащ у него брезентовый непромокаемый. Для шайтана это всё тьфу, по**й ему, неважно, короче.

Ясно, короче, он давил на спусковой крючок, и целился, но сами по себе руки у него стреляли и целились. А Заур умом забыл и про автомат, и про палец, и про предохранитель, короче, про всё вообще забыл. Шайтан сосал его душу, пил его кровь, еб** его мозг. Ты бы не забыл про оружие, когда к тебя мертвец без головы идёт?

Забыл бы я? Ц, не знаю, короче.

...Шайтан добрался до забора, и было уже ясно, что идёт он не прямо к Зауру, а чуть мимо него. Видимо он шёл по своим делам, не к Зауру конкретно. Но это не легче, увидевший шайтана уже проклят. Где-то между составляющих сейчас Заура старости, вялости и беспомощности реяло нечто — не мысль, а эмоция, — повелевающее ему, сыну Заура и внуку Вахида, — открыть, наконец, огонь, броситься, наконец, в смертный бой, чтоб хотя бы умереть, а не мучиться сто лет и ещё тысячу, ведь жизнь всё равно закончилась, к этому ведь всегда нужно быть готовым, как мужчине, короче. И Заур Аткалаев до сегодняшнего уверен был, что он готов. Но он не был.

Ты вялый больной безликий старик, так говорила сейчас ему его проклятая душа, пытаюсь обмануть самое себя, договориться с собой, уговорить, оправдаться. Я просто старый больной старик, твердила она, я не ничтожный трус, моё лицо со мной. Я просто старый больной старик, я не ничтожный трус, моё лицо со мной... Я просто старый больной старик, я не ничтожный трус, моё лицо со мной... вот оно, смотрит на меня из рук безголового. Из меня смердит трусость и грех, я старик, шлюха и ребёнок, и сейчас моё потерянное лицо выдаст ему меня, и он придёт меня сосать. Возьмёт меня в рабство. Возьми меня в рабство. Я буду верно тебе служить.

Труп с головой в руках топтался у забора — в пяти метрах от Заура. Чтобы продолжать видеть его Зауру приходилось перегибаться через перила, высунувшись в бойницу. Потоптавшись, труп положил голову на лёд, на ухо, стриженным облезлым в рваных до кости складках затылком к Зауру. (А так важно было рассмотреть лицо головы, может быть, оно ничего, не злое!) Труп принялся ощупывать забор.

Крошка от зубной эмали наполняла зауров рот. Сквозь стук дождя по шапке и сзади по брезенту ему слышался скрежет когтей по бетону. Труп поднял свою голову, перекинул её через забор, через забор и через проволоку. Не было никаких сомнений, что, если он ничем не видит, то чем-то волшебным всё знает и чувствует. И про Заура тоже, короче, знает. Знает он про Заура, но, короче, как про муху про Заура знает, сидит на стене рядом муха, ну и что, короче, муха ведь.

Голова, вращаясь, сверкнула в полёте, брызги отлетели от неё, летящей, и с деревянным стуком она упала в лужу на ледяной асфальт внутри охраняемой территории склада вооружений.

Труп, ничем теперь не обременённый, очень естественно подпрыгнул, ухватился за верх забора, подтянулся, как сильный молодой, забросил ногу в носке, подтянул колено. Не-ет, двигался он не как мертвец, конечно, не как в кино на одной из тринадцати кассет, принадлежавших семье Аткалаевых, богатой, уважаемой в городе семье. (Было четырнадцать кассет, но про

одну из них, плохую, узнал дед, специально приехал, отобрал у отца и спалил в тазике на балконе. Сто двадцать рублей та кассета стоила. А потом два дня сидел у телевизора, проверял остальные, ругался.) Не ковылял, короче, шайтан, не шаркал, нормально так двигался. А вот на проволоку внимания он не обращал, как мертвецу и полагается, проволоки не боялся, боли не чувствовал, кожи не жалел. Заур видел, как ломался дециметрами лёд на проволоке, как колючки впивались в мёртвую плоть, как резали бескровными полосами предплечья, раздирали гнилой вшивник, и как труп справляется, голыми ладонями отминая проволоку от себя, отцепляя от плоти колючки, чтобы не мешали, короче.

И вот шайтан стоит на заборе, коленями опираясь на провисшую проволоку, как будто отдыхая. А на самом деле показывая себя своему верному рабу, являя ему свою мощь, заставляя раба любоваться собой, своим равнодушием к боли. С равновесием у шайтана был порядок, хотя одежды теперь на нём, считай, и не было, на заборе он стоял свободно, будто на земле.

Постояв так, шайтан перенёс ноги своего трупа через проволоку и упал всем его телом вперёд, за пожарный ящик с песком. Теперь шайтан был на охраняемой территории официально.

На проволоке остались свисающие ошмётки плоти и мокрые тряпочки.

Тут Заур Аткалаев впервые за целый прошедший век перевёл живое ещё дыхание, проглотил острую кашу во рту, сел, где стоял, и, уже не опасаясь привлечь шайтана звуком, заскрёб по стальному полу каблуками, забивая себя в угол кабины, выставив перед собой автомат, но не как оружие, а как последнее препятствие. Плащ мешал бешено. Сверкал трассерами дождь на фоне зимнего пространства в освещённых проёмах бойниц и двери. Внизу, под вышкой было тихо. Не тихо было, короче, дождь шумел, но шайтана не было слышно. И Заур подумал.

Не подумал, короче, а понадеялся, что пока ничего ещё, может быть, не потеряно. Что минул его шайтан, не обратил на муху внимания, или лучше так, понял праведность Заура и пошёл себе, куда ему, шайтану, надо, не стал связываться. А значит. Никто не видел позора? Никто. И не надо никому знать про него. Хотя бы пока, короче. А явится шайтан снова, будет аргумент: ц, не выдал я тебя, о нечистый, прошлый раз, не помешал, ну и, короче, давай поговорим как мужчины, о деле.

Зазвякала одинокая подковка на прутьях стальной лестницы. Шайтан поднимался на вышку.

У Заура Аткалаева лопнул сосуд в глазу, и он навсегда забыл родной язык.

— Слушай, эй, короче, давай договоримся, а! — заскулил он, бешено дёргая на себя спусковой крючок. — Эй, слушай, короче, куда ты идёшь — я первым иду, всех убиваю, кто увидим, нормально дойдём, слушай, а-а?

Над растянутым коленями подолом плаща и над стволом автомата появились голые бескровные плечи и влажный зрачок позвонка в полутьме раны. Стоящего на ступеньках шайтана можно было легко пнуть каблуком, можно было ткнуть компенсатором, но шевелиться было нельзя, ни в коем случае, ни за что. Шайтан поднял свою голову, отвёл её щекой ствол автомата в сторону и приблизил её к лицу Заура. Теперь Заур не хотел видеть лица шайтана, но теперь ему пришлось. В темноте под крышей кабины мёртвая голова была неузнаваема, Заур понял лишь, что глаз у неё нет, под опухлыми приспущенными веками — дыры. Вроде бы были ещё усики. Ничем могильным или гнилым не пахло. В общем, всё было не так уж противно, можно выдержать, и предложение помочь добровольно и самому Зауру нравилось, на месте шайтана он бы согласился.

— Слушай, давай вместе пойдём, а, — сказал он ещё раз.

Голова была очень круглой. Шайтан держал её снизу, запустив пальцы в мясо, внутрь шеи.

— С-с-с-сёма-а-а-а... — сказало Что-то. Откуда-то рядом. Не головой сказало. Не вывернутыми губами головы. Зубы там гнило блестили, но голос не оттуда шёл, короче.

— Э, не скажи так страшно, пойдём лучше, убьём всех, потом иди, — сказал Заур.

— С-с-с-сёма-а-а...

— Слушай, давай, это, короче, какой Сёма, я Заур, брат!

— З-зёма-а... Х-х-ханверт, тетрадка ес-с-сть? Пис-с-смо... — явственно проговорило Что-то вроде бы прямо в ухо и сзади, чуть ли не под капюшоном Заура помещаясь.

Заур молчал.

— Зёма, тетрадку, конверт, ручку дай, письмо написать надо.

Грянул скрежещущий школьный звонок телефона на стенке кабины. По этому звонку оборвался дождь, резко усилился мороз, а Заур потерял сознание и закричал. Сознание он потерял навсегда. Больше он ничего никогда не помнил, больше ничего и не видел, но это нельзя назвать зрением, памятью, воспоминанием, сном или бредом. Лицо головы шайтана. Оно, короче, просто стояло перед ним, целиком, как в зеркало смотришь сблизу. А чтобы оно не укусило, надо было на него кричать. И Заур отныне лишь кричал: «Шайтан, шайтан, шайтан!» Это отлично работало, а когда надо было попить или покушать, когда вставляли в рот кружку или ложку то шайтан ждал, не нападал. Нормально так.

Крича, Заур не забывал, как шайтан, отчаявшись добиться от Заура толку, ушёл куда-то, как, крича, справился Заур с автоматом и выключил предохранитель, как звонил и звонил телефон, отвлекая Заура от крика, и как Заур убил этот телефон, ловко переведя на одиночный огонь, как страшно орал, отвлекая Заура, издали разводящий, обещая то дизель, то расстрел на месте, то отпуск, как Заур, крича на шайтана, стрелял в разводящего одиночными, разумно, прицельно, экономя патроны, и когда-то потом, когда уже было тепло и сытно, он, наконец, добился, что лицо мертвеца начало улыбаться и перестало давить, и теперь можно было кричать не зло, короче, и не от ужаса, а ласково, по-братски кричать... «Шайтан, шайтанчик!»

Ни в кого спятивший на посту рядовой Аткалаев не попал. Сначала разводящему, вызванного перетрусившим Симаевым, просто повезло, Аткалаев первым выстрелом промазал, а от дальнейшего огня было где укрыться: повредить полукруглые пеналы изделий пули АКС не могли, за их штабелями и спрятались, и, когда у придурка кончился второй магазин, кончилось и это конкретное приключение в карауле.

Так поначалу решили трясущийся от шока начальник караула капитан Ломакин и дежурный по части майор Кошатын, прибежавший в одном кителе и расквасивший на гололёде по пути нос, и даже серьёзный человек подполковник Симаков, ответственный старший офицер, так поначалу подумал, прибежав следом и вникнув. Неприятное стандартное ЧП, солдат е****ся. Однако за стандартными общей суетой и общей боевой тревогой, никто поначалу (то есть до утра) не заметил остальных событий. Нет, не так, вру.

Одно (событие) заметили, точнее, услышали его на самом деле сразу. Многие были разбужены не отдалённой (до ближайшей к складу вооружений массово обитаемой точки — казарме автороты и первой батареи — через безлюдное нефтехранилище, котельную, печатанное здание ЦИКЛа — было почти шестьсот метров) стрельбой из «калашникова». На посту электриков (в торце здания штаба дивизиона), в казарме второй батареи и ЭТР хорошо были слышны три или четыре тупых щелчка ПМ, раздавшихся совсем близко, буквально как бы через стену, во дворах. От этих пистолетных выстрелов в упомянутых скоплениях людей многие проснулись, но спросонья про них никто сразу не подумал, потому что начал свой бой Аткалаев, а буханье «калаша» даже и не очередью повнушительней плевков «пээма», ну и по ходу дел, строясь, осматриваясь и матерясь, забыли про них вовсе. И вспомнили только утром, около половины седьмого, когда в кустах на центральной аллее части (ведущей от клуба к офицерской столовой) бригада выгнанных из ЭТР на холодок делом заниматься колышков льда наткнулась на труп помощника дежурного по части старшего лейтенанта Паланкина¹⁵.

¹⁵ Он ушёл на обход за пятнадцать минут до начала событий. Поэтому, когда началась стрельба, Кошатыну пришлось

Во время тревоги мимо него наверняка пробежало туда и сюда достаточно народу, и в строю и вразнобой. Но что-то такое случилось с Паланкиным, что он в кого-то выстрелил трижды-четырежды, а потом лёг на мокрый молотый керамзит дорожки и рядом с фонарным столбом заполз под куст, так, что только каблуки его сапог были на свету фонаря. Заполз, спрятался и умер в укрытии, вкопав лицо в ледяные опилки на клумбе, подвернув под себя руку с опустошённым на треть пистолетом.

Потом ударил мороз и стушевал его с окружающим, покрыв тем же ледяным блеском.

(Когда, уже к вечеру следующего дня, лицо молодого человека очистили от опилок и грязи, его отказывались узнавать, гримаса на нём застыла чудовищная. Возникло даже подозрение, что в форме и с документами старшего лейтенанта кто-то другой — Паланкин был брюнет при жизни, а у трупа волосы были белыми. (Позже, пару недель спустя проникательный подполковник Фролкин, человек культурный и с широким кругозором заместитель начальника политотдела, сострил: «Был у нас свой маленький Чернобыль¹⁶, есть у нас теперь и свой маленький сэр Чарльз Баскервиль». Шутку эту никто не понял, кроме начальника политотдела полковника Смертина, Бати, который и влупил за неё остроумному Фролкину месяц казарменного положения. Наказав, впрочем, не столько Фролкина, сколько солдатский состав.))

Смерть Паланкина была событием печальным, трагическим, загадочным, но ни малейшего налёта потусторонности сама по себе на себе не несла. Однако раньше обнаружения Паланкина произошло вот что.

На час-полтора раньше¹⁷, на самом деле. С пяти с чем-то утра командир ЭТР капитан Новожилов, оставшийся в ещё четверг ответственным по роте и, соответственно, застрявший из-за гололёда на все выходные, вдохновляемый общим для всех ответственных офицеров и прапорщиков ощущением внезапного служебного пиз***а и аврала после стрельбы, проверял свои службы. Из канцелярии роты он прозвонил электриков, прозвонил водокачку, прозвонил комендантов всех пяти «демократических» казарм Южного городка, дозвонился даже до коменданта гостиницы «Восход», но в котельную дозвониться не сумел и, прихватив с собой «для связи» младшего сержанта Симоняна, разжалованного за глупость в «вечно припаханные» замкома первого взвода, отправился руководить на местах. В грохочущую котельную пришлось ломиться, и о боевой тревоге котельщики во главе с прапорщиком Камневым (хотя вся стрельба происходила максимально близко к котельной) узнали от Новожилова. Новожилов взъ***л котельщиков и построил, и приказал белить потолок, пока он лично не отменит это. Затем он дошёл до бани, открыл её своим ключом, обследовал на предмет несанкционированной душевой, а потом, срезав наискосок через пустырь и мусорку, по скрасившему бугры ледку докатился на подковках до кирпичной шляпной коробки СПСВ-2. Симонян отставал, но ни разу не упал, его кривые короткие ножки были словно предназначены для цепкого скольжения. Да и дождь давно перестал, мороз был такой, что и в воздухе похрустывало.

Трёхэтажная громада ЦИКЛа заслоняла это глухое местечко на самом краю части от фонарей на плацу. Было темно, но над входом горела лампочка в стеклянном колпаке, и Новожилов увидел, что дверь в помещение дежурного, к которому (помещению) официально прикипело название «кибитуха», открыта настежь.

оставить на посту дневального по штабу. — (Прим. Ред.)

¹⁶ Почти одновременно с взрывом четвёртого реактора на ЧАЭС на «девятисто первой» площадке в котельной весьма эффектно лопнул фундамент второго котла. За это подполковник Фролов, ответственный по части, поплатился строгачом без занесения, о чём всегда и переживал публично. Впрочем, он никогда не умел заткнуться, ни в горе, ни в радости. — (С.Ж.)

¹⁷ Боевая тревога улеглась уже в четыре, но никто не стал отбивать личный состав, всех усадили в ленкомнаты и повели под присмотром старшин изучать устав, писать письма и играть в шахматы. Спасибо, что колоть лёд в темноту под дождик не погнало. — (С.Ж.)

Новожилов затормозил по льду, и далее начал двигаться осторожно, опасливо, жестами держа Симоняна в тылу. Открытая всем ветрам и офицерам дверь солдатской «нычки»¹⁸ сама по себе невозможна, а уж при такой погоде... Здесь тоже что-то случилось. Картошку жарят, как минимум.

Под потолком кибитухи горела скудная жёлтая лампочка. Её слёзок вкупе с сиянием лампы над входом было достаточно, чтобы с порога Новожилов разглядел, что дежурного, слесаря-наладчика рядового Котоварова в кибитухе нет, что на столе стоит таки противень с замёрзшей и почти нетронутой жареной картошкой, и раскрытый дембельский альбом тут же, и банка с замерзающим чаем вухлитровая, и баночки с ПВА, и акварельные причиндалы, и пачка фотографий, и десяток зубных щёток¹⁹ с разноцветной щетиной в стакане, а над выключенным калорифером, на покрывшемся инеем стенном выступе сушатся сапоги с навёрнутыми на голенища портянками.

Входить внутрь без свидетелей Новожилов сразу запретил себе. Всё здесь было неправильно, противно и уставу, и бытованию, — что-то здесь произошло, и наверняка беда.

Новожилов повернулся к Симоняну и вполголоса, но очень страшно, приказал ему бежать — и бежать б-е-г-о-м — в караулку, с требованием прибыть к СПСВ-2 лицу поответственной. В караулке, как точно знал Новожилов, заседали над связанным и воющим нечленораздельное про шайтана горским стрелком, судя и рядя что ж такое приключилось безутешный начкар, замначальника особого отдела подполковник Симаков, и лейтенант доктор Вяткин, зам начальника санчасти²⁰. Вот самого Симакова Новожилов и рассчитывал заполучить. Начкару не положено покидать, а Ватсон есть Ватсон, кто его куда одного пошлёт.

Вдохновлённый, Симонян убежал, скользя и размахивая для равновесия руками. Новожилов остался охранять место предполагаемого происшествия. Снаружи. Старый, опытный, побитый, следующий летом на пенсию капитан так и подумал: «место предполагаемого происшествия» и «охранять снаружи».

Ещё не светало, чувствовался в пространстве лишь слабый намёк, что утро подступает. Постукивая сапогом о сапог на пороге кибитухи, Новожилов вдруг заметил следы, на которых он, собственно, и топтался. Мороз бил очень сильно, ночные лужи на вчерашнем гололёде схватились намертво, вымерзли до сухого. И вот на выстеленном вкопанным белым кирпичом «прихожем» язычке перед входом (тут всегда скапливалась во время дождя очень полезная лужа, её надо было вычерпывать), между клумбой и квадратной огородкой чахлого тополька замёрзли глубокие следы босой ноги и ноги в сапоге, расположенные носками ко входу так, будто следящий стоял перед дверью, как сейчас стоял и сам Новожилов. Кто-то босой на одну ногу наступил в замерзающую кашу перед входом и постучал. А когда дверь открыли, переступил вправо, на опилки клумбы, давая двери открыться, а потом один раз шагнул босой ногой вперёд, и вошёл в кибитуху.

По следам это было ясно видно, как днём газету зрячему.

¹⁸ Как правило, слово «нычка» (образованное от глагола «ныкать», т.е., прятать, скрывать) используется в двух смыслах: «нычка» как некое отстоящее помещение, где солдат или сержант может на продолжительное время и законно уединиться (клуб, подсобные хозяйства, посты хозслужб, служебные дежурные помещения, etc) и «нычка» как тайник для хранения различных запрещённых предметов, продуктов или веществ. В Предзоне слово получило ещё один смысл: нычками трекеры называют собственные поля ништяков, открытые и провешенные лично, оберегаемые, как зеницу глаза. — (По просьбе редакции. По-моему, и так понятно. — С.Ж.)

¹⁹ Для создания звёздного неба. — (авторитетное прим. Ред.)

²⁰ Здесь неточность: начкар не сидел в караулке, а стоял на угловой вышке второго поста в плаще и с автоматом: весь караул, полный состав, истовым зауровым «шайтаном» впечатлённый, под угрозой расстрела и даже пиз*****, и даже под угрозой беседы с подполковником Симаковым, отказался на неё заступить. Всем влепили по десять суток и плюнули, поскольку было, действительно, не до того. Пошёл начкар, и стоял он на вышке до девяти часов утра, пережив довольно неприятные часы — зауров «шайтан» впечатлил и его, на предохранитель он автомат не ставил. В чём он, конечно, никогда бы не признался даже жене. Дальнейшая судьба Заура мне известна, но здесь нет места для рассказа о ней; интересующиеся могут спросить у меня напрямую, в фейсбуке. И зафрендить меня можно там. — (С.Ш.)

Новожилов что-то пробормотал себе под нос. Что — осталось неизвестным. Наверняка ему было что сказать. Ничего хорошего. Он был не вооружён, у него не было даже фонарика.

Зато Симаков явился с охраной — двумя караульными отдыхающей смены. Подполковник, которому солдаты даже прозвище боялись дать²¹, именно прибежал. ЧП есть ЧП.

— Что тут у вас, Новожилов? — спросил Симаков. Он даже не запыхался. Он был худой, среднего роста, с глазами-точками на лисьем лице человек лет тридцати пяти. Он был очень серьёзный недобрый человек из особого отдела. Пожилой капитан, как и все в части, его опасался, без крайней нужды не поминал всуе, но сейчас было не до того.

— Я *** его знает, товарищ подполковник, — озабоченно и выверено начал Новожилов, — но моего дежурного на посту нет. И всё замёрзло, видите? Дверь была открыта. Настежь. И давно. Я не входил. Боюсь, у нас и тут ЧП.

Симаков впервые в истории человеческой цивилизации выматерился в голос на людях. (Был у него такой понт, стиль — не материться²².) Наступив на таинственные следы, он прошёл в кибитуху. Противень с картошкой, обычно сразу же в любой ситуации вываливаемый на пол, трогать он не стал. Приблизился к калориферу, поводил над ним рукой.

— Не работает, — сказал он. — Выключен. Что тут происходит, товарищ капитан?

— Дверь была настёжь, — потворил Новожилов, по-прежнему из-за порога, с улицы. — Не могу знать.

Караульные тёрлись за его спиной, выглядывали. Новожилов подумал почему-то, что лучше было бы солдат прогнать. Но ничего не сказал об этом.

— А люк так и был закрыт? — спросил Симаков, указывая на очень хорошо знакомый ему квадратный люк в забитом бурым кафелем полу. Новожилову люк был тоже великолепно знаком, правда, по другим причинам, строго профессиональным. Он был классный специалист, и заглублённую насосную станцию не рассматривал исключительно в виде тайника для запрещённых предметов и/или шпионского оборудования.

— Так точно, — сказал Новожилов. — Я вообще не входил без свидетелей, товарищ подполковник.

Симаков глянул на него со странным выражением одобрения, насмешки и понимания одновременно.

— Верное решение, товарищ капитан. А ваш младший сержант был не в счёт, удивительно. Не свидетель.

— Яйца у них выросли, а мозги — нет, — сказал капитан спокойно. — Так что да, мой младший сержант не в счёт. Подозрение плохое у меня, Сергей Сергеевич. Видите — сапоги. Куда он пошёл, как? В тапочках, что ли?

Симаков кивнул, как в кино фашисты приветствуют, резким наклоном головы.

— И даже не в тапочках. Вон один тапочек валяется. Вы проходите, товарищ капитан. Будем открывать. Караульные, на месте!

— Есть, есть, — вразнобой ответили тихие и послушные караульные — старослужащие.

Новожилов вошёл, покосился на ходу налево: действительно, под вешалкой с висящими на крючке бушлатом и ремнём Котоварова, валялся чёрный шлёпанец с номером. Новожилов покачал головой. Симаков уже возился над люком, цепляя рукой в перчатке блестящее кольцо. Свет в насосной включался рубильником на стене, каковой рубильник сейчас закрывали сапоги Котоварова. Оба сапога. Оба. Новожилов снял их с кирпичного бордюрика, поставил аккуратно в сторонку, и включил рубильник, а Симаков в этот момент рванул за кольцо, и крышка люка грянулась об стену.

²¹ «Сима» у него и было прозвище. Это все знают. — (С.Ш.)

²² Рассказчик врёт. Подполковник Симаков был нормальный офицер, матился так, что пыль час потом стояла. — (С.Ш.)

— Трах-тарарах-тарарахище в пень, душу, гриву и грёбанную карусель! — сказал Симков. Потом отступил и выпрямился, давая место капитану. Снял шапку, вытер перчаткой лоб. — Вот ваш дежурный. Полюбуйтесь, товарищ капитан!

В восьми метрах внизу, в свете двухсотваттной лампочки, прямо под лестницей, в позе, допускающей лишь одно толкование, лежал изломанной куклой Котоваров. В одном тапочке, в шапке, положенном по сроку службы свитерке со споротым воротом, в лопнувших на задугу по шву бриджах. Спиной и лицом вверх. Сразу представилось как он нырнул в люк вниз головой. Восемь метров. Нырнул — и не вынырнул. Руки Котоваров держал как бы «по швам», но в правой руке сжимал почему-то тетрадку. Обычную тетрадку за две копейки с розовой обложкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.